

Рамзан Саматов

Амурский сокол

Рамзан Саматов

Амурский сокол. Путь Воина

«Издательские решения»

Саматов Р.

Амурский сокол. Путь Воина / Р. Саматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501976-9

В романе «Амурский сокол» повествуется о жизни и становлении молодого жителя Приамурья Сергея Лысенко, будущего командира разведроты дивизии (книга «Путь Воина. Победитель»). На долю молодого человека выпали тяжелые испытания в период Гражданской войны — это и спасение золотого запаса Дальнего Востока, и угон бронепоезда, и борьба с колчаковцами и «зелеными» бандитами, и организация конной разведки и многое другое, присущее настоящему воину. Книга публикуется в цикле «Путь Воина».

ISBN 978-5-00-501976-9

© Саматов Р.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	10
Глава 1. Никодим	10
Глава 2. Марья	15
Глава 3. На китайской стороне	19
Глава 4. Марья и Никодим	23
Глава 5. В тайгу	27
Часть 2.	31
Глава 1. Пожар	31
Глава 2. Беглые каторжане	36
Глава 3. Встреча в лесу	40
Глава 4. Политкаторжане	44
Глава 5. Закон – тайга, медведь – хозяин...	48
Глава 6. Охота на людоеда	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Амурский сокол Путь Воина

Рамзан Саматов

© Рамзан Саматов, 2019

ISBN 978-5-0050-1976-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Амурский сокол, как пишет информационный портал о живой природе Arus (Стриж) (<https://apus.ru/>), очень быстрая, длиннокрылая птица. Этот мигрирующий сокол совершает продолжительные перелеты между Восточной Азией и южной Африкой. Часто мигрирует, собираясь в стаи до нескольких тысяч особей вместе с соколами. Сокол способен двигаться в воздухе со скоростью до 320 километров в час. Зоркий и сильный охотник, способный увидеть жертву за километр. Он способен очень высоко подниматься в воздух, туда, куда другие птицы не долетают.

Славянский фольклор изобилует упоминаниями о нем, как о символе отваги и чести. Древние египтяне считали сокола богом Хором – покровителем фараонов. В культуре инков эта птица символизировала солнце. У тюрков – это душа хозяина, которую нельзя продавать или терять. Одна из легенд гласит, что непобедимая сила хана Тохтамыша была скрыта в двух его соколах.

Сокол – это символ смелости и отваги, храбрости и отчаянности. Как правило, эти качества приписывают в первую очередь воинам, а потому сокол – олицетворение воинской доблести. Вот почему названием романа стал «Амурский сокол», где главный герой Сергей Лысенко, родившийся в городе, расположенном на берегу великой реки Амур, и воспитанный в духе настоящего воина, словно сокол взлетает над врагами Родины, чтобы выйти победителем в один из самых трудных периодов истории страны – Гражданской войны.

Уважаемые читатели! Мы уже встречались с этим героем в другой моей книге «Путь Воина. Победитель» (https://ridero.ru/books/put_voina/) в роли командира разведывательной роты дивизии в период Великой Отечественной войны, где он передавал накопленный жизненный и военный опыт своим подчиненным, вызывая восхищение, изумление и уважение даже у опытных бойцов. Давайте вместе понаблюдаем за жизнью этого удивительного человека в молодые годы со страниц предлагаемой вам книги «Амурский сокол».

Выражаю свою признательность в подготовке книги корректору Фариде, художнику Алле (творит под ником alla098). Особая благодарность Николаичу @nikalaichistfak из Сообщества Истфак (<https://golos.io/@istfak>). Ведь именно он пригласил меня опубликовать первые страницы этой книги как редактор сообщества. Именно там я нашел первого читателя. Спасибо ему за поддержку! Покорно благодарю моих строгих читателей из платформы социальной журналистики КОНТ (<https://cont.ws/>) за конструктивную критику и поддержку.

А теперь окунемся в мир начала прошлого века – последнего века второго тысячелетия. Приятного чтения!

Рамзан Саматов

* * *

Громкий крик, перешедший в плач, провозгласивший о своем появлении на свет, дитя издало с последними звуками массированного двухнедельного обстрела Благовещенска. Один из снарядов, выпущенных с того берега Амурского моря, преодолев семьсот двадцать шесть метров, взорвался во дворе губернаторского дома.

Обстрел производили отряды «гармонии и справедливости». Так себя называли китайские повстанцы ихэтуани, восставшие против засилия иностранцев в стране и вмешательства в их внутренние дела, политику и экономику. Особенно болезненно воспринимало такое положение дел население северных провинций Китая. Из-за строительства железных дорог, развития почтама и роста импорта товаров многие потеряли работу. Не стало работы для работников традиционных видов транспорта и связи, таких, как носильщики, лодочники, посыльные. Помимо этого, согласно проекта, будущая Маньчжурская железная дорога¹ проходила прямо по полям, кладбищам и домам местных жителей и грозила оставить без работы многие тысячи людей, занятых извозным промыслом.

В этих условиях в последние годы уходящего девятнадцатого века стали формироваться стихийные отряды восставших, называющие себя то «Союз больших мечей», то «Союз справедливых», то «Кулак во имя справедливости и согласия». Наиболее одиозными и многочисленными стали «Отряды справедливости и гармонии» – Ихэтуань. Члены отряда назывались «туань – кулаками». Многие занимались совершенствованием физических навыков единоборств, напоминающих европейский бокс, и поэтому их называли «боксерами». В историю это восстание вошло под названием Боксерской.²

Несмотря на трудные роды, тридцатилетняя прачка губернаторского дома Евдокия Павлова, в девичестве Лысенко, произведя на свет крупного мальчика, нагулянного от сына губернатора, нашла в себе силы сунуть корзину с ребенком китайской повитухе. Перед этим она перекрестила не прекращающего кричать ребенка, поцеловала в лоб и сунула в складки тряпок заранее приготовленную записку с мужским именем.

– Ликин, дорогая, ради нашего Бога, береги Сереженьку... Ох-хх... Ох-хх... – говорила Евдокия, тяжело и часто дыша. – Я уже не жилец на этом свете... Отведи в церковь, покрести его.

Ликин, маленькая изящная китайка в русском сарафане, вжала голову в плечи после очередного взрыва снаряда во дворе. Дом содрогнулся от взрывной волны, а на улице послышались истошные женские крики: «А-ааа... Убили! Господи! Убили!» Ликин подскочила к окну, перекрестилась – она была христианской веры – попыталась, встав на цыпочки, дотянуться взглядом до вида во дворе. Но маленькое мутное окошко полуподвального помещения, где проживала Дуся, не позволила ей увидеть происходящее. Вернувшись к постели родильницы, Ликин взяла руку Евдокии в свои маленькие и узкие ладошки.

– Сто ты говоришь, Дзуся?! Наса Бозенька не позволица дзицё осцаця без мамы. Надзо молицься, Дзуся!

Она достала из корзины плачущего малыша и положила рядом с матерью.

– Дзай грудзь, Дзуся! Пускай мальсика попробуец мацеринское молоко... О, Бозе!

Ликин снова перекрестилась, заметив, что Дуся уже не дышит. Обратившись к матери, она забрала малыша и, уложив в корзину, метнулась к столу, схватила кружку, вернулась к постели. Аккуратно освободив одежду усопшей, нацедила из ее груди молоко. «На первое время хватит», – подумала Ликин. Затем скрутила чистую тряпочку в виде соски и, смочив в грудном молоке, сунула притихшему ребенку в рот. Тот довольно зачмокал.

Ликин повернулась к красному углу, истово перекрестилась три раза, затем сняла один образок и поцеловала. Осторожно подошла к Дусе, сложила ее руки на животе, приладила к ним образ Богоматери. Немного подумала о своем, помолилась и, кинув взгляд на корзину с ребёнком, вышла во двор.

¹ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД; до 1917 года – Маньчжурская дорога, с августа 1945 года – Китайская Чанчуньская железная дорога, с 1953 – Харбинская железная дорога) – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

² Боксерское восстание – восстание ихэтуаней (буквально – «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах.

Там копошились дворовые рядом с убитым кучером. Вместо того, чтобы, как все, спрятаться от обстрелов, Петр решил остаться у своих лошадей. Вот и получил в висок осколком снаряда. Ликин заметила среди людей и конюха Никодима.

– Никодзи-им! – тонко крикнула она. Тот обернулся. – Подзь сюдза!

Ликин довольно сносно говорила по-русски, одевалась в русские одежды и, вообще, любила все русское. Только неистребимый акцент, да раскосые глаза выдавали в ней китайянку.

Никодим нехотя оторвался от всеобщего возбуждающего обсуждения происшествия во дворе. Это был дородный мужчина неимоверной силы, высокого роста, с большими и толстыми, из-за бугрящихся мышц, руками и ногами. Двигался он медленно, также медленно говорил, зато работал без устали.

– Чего тебе, Ликин? – спросил Никодим басом, направляясь в сторону китайянки. Он относился к ней с особенной теплотой. Немалую роль в этом играло то обстоятельство, что она приняла православную веру.

– Никодзи-им! – сказала Ликин громким шепотом, вращая при этом глазами. – Дзуся умерла!

Никодим остановился, снял шапку, перекрестился и, задумчиво почесав затылок, спросил:

– Как это?! Я же с утра её видел во дворе. Здоровая была. Ну, разве што, пузатая...

– Воц! Пузаца была. Цеперь нец. Родзила мальчика. А сама умерла. Надзо похорониць её по-христианки, Никодзим! Бацюшку позваць.

– Ну да, ну да... – Никодим опять почесал затылок. – Вместе с Пётром и отпоют...

В это время из открытой двери послышался плач ребёнка. Ликин вплеснула руками, ойкнула, как это делают русские женщины, и убежала вниз. Никодим посмотрел ей вслед, надел шапку, затем снял, перекрестился и, снова надев, медленно направился в сторону хозяйского дома. Доложить. Несмотря на должность обычного конюха, он ведал всеми хозяйскими делами в пределах двора губернаторского дома.

– Что тебе надобно, Никодим? – спросил генерал-лейтенант Грибский, увидев стоящего в дверях конюха со снятой шапкой в руках. Губернатор Благовещенска принимал в это время начальника полиции города. Тот докладывал, что участились случаи погрома в китайских кварталах в связи с провокациями с того берега. Есть случаи грабежа и убийств.

– Константин Николаевич, у нас во дворе двое богу приставились. Надось распорядиться насчет похорон.

– Ой, не до тебя сейчас, Никодим. Разберись сам. Видишь, что творится. А кто помер-то?

– Дык, Пётра снарядом убило, а Евдокия при родах померла.

– Да, жаль Петю, хороший был кучер. А которая Евдокия? Это та, что с сыном моим путалась? Ребёнок-то жив?!

– Жив...

– Ну, ступай, ступай! Сам разберёшься, что делать...

Губернатор повернулся к давешнему собеседнику и продолжил:

– Так вот, господин полковник, силами полиции и заинтересованными людьми из числа добровольцев организуйте выселение из города всех китайцев. Это директива господина военного министра Куропаткина.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – сказал полицейский чин, щёлкнув каблуками.

– И вот ещё что... – губернатор приобнял за плечо полицейского полковника и подвёл к окну, и стал тихо говорить тому почти в ухо, касаясь пышными, почти белыми бакенбардами.

Никодим, тем временем, снова вышел во двор. В нескольких словах объяснил собравшимся распоряжение губернатора, а сам направился к Ликин. Китайянка сидела в комнате, баюкая малыша. Тот мирно спал, пуская пузыри – чувствуете, что хорошо покормили. «Вот кому

нет никаких забот – знай, кушай да спи себе», – подумал Никодим. Он подошёл поближе, отодвинул большим и толстым, с пол-лица малыша, пальцем край тряпки и взглянул на личико.

– Ну, чисто наш губернатор, – пробасил Никодим. – Похож! Бакенбардов только не хватает. Жаль только, что не признают они его...

– И не надзо! Я заберу себе! Воц цолько бы кормилицу найци... Ничего, у кицайсев много розаюц! Найдзу!

– Ты это... Ликин... Не ходи на улицу. Я слышал, полиция облавы устраивают в вашем квартале. Выселять будут. Оставайся здесь.

– Воц иссе! Я никого не боюся! А выселяца, так поедзу в Кицай. У меня цама браца зивёц... Пойдзема в церковь сходзима, Никодзим?! Надзо Серёзу покресцица. Цы будзеся крёсцьый оцеца.

Никодим удивлённо уставился на неё и затем, почесав затылок, сказал:

– Сергей, значит... Ясный сокол.³ А ты будешь крестная мать?!

– Дза.

Полицейские силы, благодаря помощи казаков и добровольцев, собрали в первый день более трёх тысяч китайцев и погнал их вдоль Амура, вверх по течению, в сторону посёлка Верхне-Благовещенска.

Жара в июле стояла невероятная. Пыль, поднимаемая тысячами ног, не давала дышать и многие отставали. Щегольского вида пристав, скачущий от одного конца колонны переселенцев до другого, желая проявить усердие, приказал зарубить отставших. Среди них была и маленькая китайская женщина с большой корзиной в руках. То ли по божьему промыслу, то ли по случайности, наскочивший на коне казак ударил её по касательной, почти плашмя. Рука казака дрогнула в момент удара, увидев пронзительно-умоляющий взгляд ее темно-коричневых глаз. Будто знал, что не за себя просила – за ребёнка. Китайка охнула и повалилась без чувств, накрыв своим телом корзину.

В колонну переселенцев Ликин попала возле церкви. Никодим не смог ее защитить, несмотря на свою богатырскую силу. Когда они вышли из церкви, покрестив маленького Серёжу, их заметил тот самый пристав щегольского вида:

– Китайка?! Взять!

Её тут же вырвали из рук Никодима и бросили в толпу таких же несчастных. Все попытки крестного отца Сергея объяснить, что она не такая китайка, как все, что у неё ребёнок и что она служит при дворе самого губернатора, не дали ничего, кроме пары ударов нагайкой. Для Никодима эти удары были как «мертвому припарка». Он, не обращая внимания наседающих казаков, смотрел в толпу в поисках Ликин, но не находил. Людское море безликих в своём горе китайцев уже поглотила свою соплеменницу.

---

³ Имя Сергей происходит от римского родового имени Сергисус – высокий, высокочтимый, почтенный, ясный.

Часть 1. Ясный сокол

Глава 1. Никодим

Никодим оставил лыжи, подбитые лосиной шкурой, у входа в избу и, отряхнув унты от снега еловым веником, открыл дверь. Вместе с вошедшим мужчиной в дом проник холодный воздух, тут же стал клубами стелиться по полу, но дойдя до пышущей жаром печки остановился и постепенно растворился. Сила русской печи победила.

– Никодимка! – крикнул звонкий детский голос из-за печи. – Ты вернулся?!

– Выходи, сынок! Не бойся, – сказал Никодим. – Я тебе кедровых шишек принёс.

Из-за печи показалась белобрысая голова мальчика лет пяти. Там было его укрытие. Они с Никодимом договорились, что в случае появления чужих людей в лесной избе в отсутствие хозяина, мальчик прячется в укрытии, специально сделанное для такого случая. В пространстве между печкой и стеной избы был устроен ещё один домик из толстых досок, с дверцей, закрывающейся на щеколду. Никодим проверял – даже с его силищей невозможно было оторвать доски. Кроме того, на полу домика был люк ведущий в подвал – там можно было пережить даже пожар.

Для Серезеньки собственный домик был сушей радостью. Почти все время он проводил там со своими игрушками, когда Никодим уходил на промысел. А уходил он почти каждый день.

Жить-то надо как-то. На одно жалованье помощника лесного смотрителя прожить никак невозможно. Надо обеспечить будущее Серезеньки. Да и на поиски Ликин тоже нужны средства. Вот и приходится ходить в лес то белок, то куницу добывать, а если повезёт – соболя принесёт. Заодно за своим участком леса приглядывает.

* * *

Никодим после пропажи Ликин вернулся в губернаторский дом, оседлал лошадь и направился на ее поиски в сторону Верхне-Благовещенска. Положение доверенного лица при дворе дома губернатора позволяло пользоваться конюшней.

По мере приближения к поселку можно было наблюдать множество зарубленных людей – Никодим насчитал больше тридцати. Мужчина содрогнулся от неоправданной жестокости слишком ретивых исполнителей губернаторского приказа.

Корзину он обнаружил недалеко от этого места – под цветущим кустом вереска. Ребёнок был не только жив, но и, более того, улыбался беззубым ртом на раскачивающуюся перед лицом веточку. Никодим соскочил с лошади, подхватил корзину и стал искать взглядом Ликин. Ее поблизости не было – больше всего боялся, что она тоже зарублена. Целый час потратил на поиски, но так и не нашёл китайнку. Это его немного обнадежило. Но, с другой стороны, если Ликин была вынуждена оставить корзину с ребенком, значит, случилось что-то непоправимое. Иначе добродушная китайнка не бросила бы Серезеньку.

Малыш, будто почувствовал, что Никодим думает о нем, заворочался в корзине и захныкал.

– Сейчас, сейчас, сокол ясный... Доедем уже до поселка.

В Верхне-Благовещенске Никодим, первым делом, направился к церкви. Местный батюшка вник в положение мужчины. Подсказал, кто из прихожанок недавно родила, и которая из них не откажется накормить голодного ребенка.

– У Марьюшки доброе сердце. Иди к ней. Ее дом по правой стороне, приметный. Сразу увидишь. С голубыми наличниками. Иди! Бог с вами!

– Благодарствую, батюшка!

Никодим взобрался на лошадь, батюшка подал ему корзину с ребенком и сказал на прощание:

– Богоугодное дело творишь, Никодим. Дай Бог силы тебе и ребенку выдержать это испытание.

Долго еще стоял местный поп у церкви, посылая крестные знамения в сторону всадника, читая «Отче наш».

Действительно, лошадь Никодима привела его напрямик к приметному дому. В этом была своя причина. У дома, раскрашенного в разные цвета, преимущественно в голубые и белые, стояла запряженная бричка с вороным конем, который заржал при виде лошади Никодима. Он даже сделал попытку приблизиться, но повод, привязанный за кольцо, прибитое к одному из столбов резных ворот, дал ему лишь повернуть голову. Конь, недовольно фыркнув, стал бить копытом об землю.

– Ну, чем ты ещё недоволен, Уголёк? – послышался возглас и из ворот вышел смазливового вида молодой мужчина в картузе и цветастой косоворотке.

– Да это он при виде нас так... – пробасил Никодим, слезая с лошади. Он степенно подвёл лошадь к другому столбу, неторопливо привязал, не выпуская из сгиба локтя корзину с ребёнком, затем повернулся в сторону церкви, перекрестился и спросил с любопытством разглядывающего мужчину:

– Хм-м... Марья здесь проживает?

– Да, здесь, – сказал мужчина, с ухмылкой кивнув в сторону дома, и потёр заалевшую щеку. – А ты кто будешь? Чего надобно от Марьи?

– А ты, стало быть, муж Марьи?

– Нет, какой я муж?! Нет у неё мужа. Был, да сплыл.

Мужчина одернул рукава, расправил складки косоворотки, затянутой тонким чёрным кожаным поясом, потуже надел картуз и сказал подбоченясь:

– Меня зовут Василий – приказчик купца Афанасьева. Слышал про такого?

– Ну, тогда посторонись приказчик! У меня дело к Марьюшке. А до твоего купца у меня дела нет, тем более до тебя.

– Но, но, но! Как ты разговариваешь? Муж-жик! – воскликнул надменно приказчик и замахнулся плеткой.

Никодим молча схватил Василия за ухо и отодвинул в сторону. Тот заверещал, стал биться в руке, удерживающей его чуть ли не на весу.

– Ой, ай, ой! А-аа! Пусти! Я пошутил!

Никодим отпустил и, даже не взглянув на приказчика, вошёл в калитку. Деликатно постучал в дверь сгибом среднего пальца. Из-за двери послышался грудной женский голос:

– Василий?! Опять ты? Уходи! Иначе опять получишь...

– Извиняйте, хозяйшка. Это не Василий. Он ушёл.

– Ой! А кто там? Заходите!

Никодим зашёл в дом, поклонился хозяйке.

– Здравствуйте, Марья!

– Здравствуйте... – сказала миловидная женщина лет двадцати пяти, повернув голову в сторону входящего.

Ее можно было бы назвать красивой: умеренная полнота, характерная для только родивших женщин, ей очень шла. Черноволосая, чернобровая, с полными вишневыми губами, почти чёрными глазами – настоящая казачка. Красоту ее слегка портили лишь глаза, вернее один глаз – правый, который слегка косил при взгляде влево. Марья держала в руках ребенка и кормила грудью. Стыда при этом не чувствовала – нет ничего краше материнской любви к своему дитё.

– Марья, я к вам с поклоном от батюшки и с просьбой...

– Благодарствую! А что за просьба?

В это время захныкал, затем заплакал ребенок в корзине. Марья удивленно встрепенулась. Никодим слегка приподнял корзину и сказал:

– Вот это и есть моя просьба. Сереженька остался без матери. Очень есть хочет. Голодный уже полдня...

– Так давайте его ко мне. Не знаю куда молоко девать. Моей Дарьюшке этого много – приходится сцеживать в крынку. Давайте...

Никодим поставил корзинку на стул и устался на плачущего Сереженьку. Заметив его нерешительность, Марья уложила Дарью в люльку и сама подошла, обнаружив в себе довольно высокий рост – почти до плеч Никодима.

– Вот что, папаша, – сказала недовольно Марья, взглянув на ребенка в корзине. – Вы совсем за ним не смотрели, что ли?! Он же мокрый. Неужели не чувствуете запаха?!

– Дык, это...

– Вот что, папаша, – повторила Марья, перейдя на «ты». – Иди, погуляй пока. Мы тут сами разберемся.

Никодим, смущенно кланяясь, попятился, спиной открыл дверь и, выйдя во двор, облегченно вздохнул полной грудью.

Тем временем, Марья принялась за заботу о неухоженном ребенке. Сначала обмыла его теплой водой, выкинула тряпки и, завернув в чистые пеленки, дала грудь. Ребенок довольно зачмокал и с голодной жадностью присосался к соску.

– Кушай, кушай, соколик! – сказала Марья, бросив взгляд на свою дочь. Материнское сердце никогда не оставляет своего ребенка.

Покормив мальчика, женщина переложила его к дочери – места в люльке было достаточно. Покачала немного – оба заснули коротким сном грудничков. Через полчаса проснутся и станут снова требовать молока. Марья встала, подошла к зеркалу, посмотрела довольно и, заправляя выбившиеся пряди волос под платок, вышла во двор.

А Никодим нашел себе занятие. Окинув хозяйственным взглядом двор, обнаружил, что дверь в сарай скособошена – явный признак отсутствия мужчины в доме. Когда вышла Марья, как раз занимался тем, что прилаживал сорванную петлю двери с помощью найденного в чулане топорика.

– Бог в помощь! – сказала женщина. – Благодарствуйте!

Никодим закончил работу, положил топорик на место и подошел к Марье.

– Вот, смотрю, петля сорвана... Решил приладить.

– Еще раз благодарствуйте! Моего Мишеньку в прошлой осенью медведь задрал. Некому смотреть за хозяйством. Он приказчиком работал у купца Афанасьева. Хозяйство-то ладное оставил, а сам даже дочь не увидел – без него родилась.

– А Василий, значит, после него стал приказчиком?

– А вы уже знаете?! Да после него... Частенько заходит, черт смазливый. Думает, что если стал приказчиком вместо Мишеньки, так и на меня права имеет. Сегодня даже приставать вздумал. Так я его огрела кулаком в скулу – у меня не забалуешь...

Никодим засмеялся басом. Вспомнил, как тот приказчик тер алеющую щеку – вот откуда, оказывается, краснота.

– Я его тоже немного потрепал за ухо, – сказал, продолжая смеяться, Никодим. – Не имеет уважения к старшим...

– Так ему и надо, черту кудрявому! – тоже, присоединившись к смеху, проговорила Марья.

Отсмеявшись, Марья посерьезнела и, присев на ступеньки крыльца, спросила:

– Теперь вы расскажите: кто вы, что вы?

Никодим кашлянул в кулак, снял шапку, затем снова надел и решительно сел рядом.

– Меня зовут Никодим. Я служу у Грибского – генерал-губернатора нашего. И я не отец Сереженьки...

– Батюшки, а кто же его родители, тогда? – спросила, удивленно всплеснув руками, Марья.

– Родителей нет. Мать померла сегодня утром в родах. А отец... Отца тоже нет. Я, значит, крестный буду...

– Поздравляю!

– Благодарствуйте!

Никодим немного отодвинулся от Марьи – жар от ее тела мешал сосредоточиться.

– Была ещё крестная мать – китайка Ликин. Она же и роды принимала.

– Китайка?! – спросила удивленно Марья.

Никодим молча кивнул, задумавшись о своём. Его глаза погрузнели и потемнели. Он снял шапку и перекрестился, услышав колокольный звон со стороны церкви. Затем продолжил:

– Корзину с ребёнком я нашёл в поле у дороги. А Ликин пропала. Ее угнали сегодня из города, вместе с другими китайцами, как только мы вышли из церкви после крещения.

– Да, я слышала от Василия страшную историю о том, что сегодня у посёлка загнали в реку тысячи китайцев. А там Амур аршинов триста в ширину будет. Многие, говорят, плавать-то не умели – не доплыли. А эта китайка умела плавать?

– Не знаю, – сказал сокрушенно Никодим. – Может умела, может нет...

– Ну, даст Бог, выжила... На все воля божья!

Никодим опять перекрестился.

– Что собираешься делать? – спросила Марья, опять переходя на «ты».

– Мне надо возвращаться в город, на службу. Долго уже меня нет – могли потерять. Хотя сегодня не до меня... Вот, что Марья. Оставь, Христа ради, у себя Сереженьку. А я тебе стану помогать – каждое воскресенье буду приезжать. Деньгами, или что... Ты не думай, у меня припасено на «черный» день.

– Да я и сама хотела предложить, Никодим. Куда ты с грудным-то?! Мужик ты хороший, порядошный – сразу видно. Но не мать... Его же кормить надо. До четырёх-пяти лет даже не думай. А там, дальше, как Бог положит.

Никодим вскочил на ноги и в пояс поклонился Марье.

– Не ошибся в тебе, Марьюшка! Правильно батюшка подсказал. Дай Бог здоровья! Век буду молиться за тебя! А мальчишку я не брошу. Он мне теперь как родной сын...

жая смеяться, Никодим. – Не имеет уважения к старшим...

– Так ему и надо, черту кудрявому! – тоже присоединившись к смеху, проговорила Марья.

Отсмеявшись, Марья посерьезнела и, присев на ступеньки крыльца, спросила:

– Теперь вы расскажите: кто вы, что вы?

Никодим кашлянул в кулак, снял шапку из вяленого сукна, затем снова надел и решительно сел рядом.

– Меня зовут Никодим. Я служу у Грибского – генерал-губернатора нашего. Я не отец Сереженьки...

– Батюшки, а кто же его родители, тогда? – спросила, удивленно всплеснув руками, Марья.

– Родителей нет. Мать померла сегодня утром в родах. А отец... Отца тоже нет. Я, значит, крестный буду...

– Поздравляю!

– Благодарствуйте!

Никодим немного отодвинулся от Марьи – жар от ее тела мешал сосредоточиться.

– Была ещё крестная мать – китайка Ликин. Она же и роды принимала.

– Китайка?! – спросила удивленно Марья.

Никодим молча кивнул, задумавшись о своём. Его глаза погрузнели и потемнели. Он снял шапку и перекрестился, услышав колокольный звон от церкви. Затем продолжил:

– Корзину с ребёнком я нашёл в поле у дороги. А Ликин пропала. Ее угнали сегодня из города, вместе с другими китайцами, как только мы вышли из церкви после крещения.

– Да, я слышала от Василия страшную историю о том, что сегодня у посёлка загнали в реку тысячи китайцев. А там Амур аршинов триста в ширину будет. Многие, говорят, плавать то не умели – не доплыли. А эта китайка умела плавать?

– Не знаю, – сказал сокрушенно Никодим. – Может умела, может нет...

– Ну, даст Бог, выжила... На все воля божья!

Никодим опять перекрестился.

– Что собираешься делать? – спросила Марья, опять переходя на «ты».

– Мне надо возвращаться в город, на службу. Долго уже меня нет – могли потерять. Хотя сегодня не до меня... Вот, что Марья. Оставь, Христа ради, у себя Сереженьку. А я тебе стану помогать – каждое воскресенье буду приезжать. Деньгами, или что... Ты не думай, у меня припасено на «черный» день.

– Да, я и сама хотела предложить, Никодим. Куда ты с грудным-то?! Мужик ты хороший, порядочный – сразу видно. Но не мать... Его же кормить надо. До четырёх-пяти лет даже не думай. А там, дальше, как Бог положит.

Никодим вскочил на ноги и в пояс поклонился Марье.

– Не ошибся в тебе, Марьюшка! Правильно батюшка подсказал. Дай Бог здоровья! Век буду молиться за тебя! А мальчишку я не брошу. Он мне теперь как родной сын...

Глава 2. Марья

После отъезда Никодима женщина закрыла калитку и направилась в дом, удовлетворенно взглянув на исправленную дверь сарая. Вот, что значит мужские руки. Не то что похабник Василий. У того одно на уме: дай кого потискать в темном углу. Опять притащится вечером. Года еще не прошло, как похоронила Мишеньку – не до мужиков сейчас.

Вот, прибавилась ещё забота, благодаря Никодиму. Правда, тяжело одной, но Никодим обещал свою помощь, да и Мишенька оставил кое-какие средства. Ничего... Проживем, Бог даст.

С такими мыслями она носилась, пока малыши не проснулись, наводя лоск и без этого уютному дому. Что говорить, любила Марья свой дом. Это она придумала раскрасить его в яркие цвета. Раньше ведь у нее своего угла не было. Так и прожила в девичестве в доме купца Афанасьева, вместе с матерью, царство ей небесное, пока не приметил Михаил Васильевич.

Михаил Васильевич был в приказчиках у того же купца – солидный, степенный, не то что баламут Василий. Уважала она своего Мишеньку. Любить не любила, но уважала. Муж у нее был старше на десять годков. Зато выбившийся в люди, дом свой с резными наличниками и... любил ее очень. Целый год ходил за ней пока не посватался. К тому времени Марья уже жила в одиночестве. Не выдержало сердце матери тяжелого труда прачки. А Михаил Васильевич со своим сватовством как раз пришелся. Куда деваться бедной одинокой девушке?! Так же коротать жизнь в прачечной купца?! Как справили годовщину смерти матери, так и пошла под венец. Но она не жалеет. Очень хорошим и добрым человеком был ее супруг. Никогда ее не обижал. Вот так бы жить да жить всю жизнь.

Но сгубила его страсть к охоте. Днями и ночами пропадал, иной раз, с купцом на заимке. И вот, однажды, привезли Мишеньку, завернутого в окровавленный тулуп.

– Медведь задрал... – был весь ответ. – Ты крепись, Марья! Я тебя в беде не оставлю. Михаил был для меня, что родной. Да и ты, чай, не чужая.

И действительно, после отпевания Афанасьев лично привёз солидную пачку денег и личные вещи ее мужа из заимки: ружье-курковку, серебряный портсигар и нож охотничий, инкрустированный серебром. Кроме того, привели Мишиного коня. Но он сразу не понравился Марье – какой-то неуправляемый, нервный – норов коня грозил бедой. Поэтому она сразу продала заезжим цыганам за хорошую цену.

Прерывая ее воспоминания, проснулись малыши: сначала дочка заревела в голос, от ее голоса заворчал и Сереженька. Но он не стал плакать, лишь кряхтел и хныкал. Марья проверила пеленки – не мокрые ли?! – затем, взяв обоих в руки, дала груди. Слава Богу, и ей стало легче – по ночам просыпалась из-за мокрой от молока ночной рубашки, теперь есть кому давать лишнее.

Сереженька такой смешной и серьезный, сосредоточенно сосет грудь, изголодался. А Дашенька капризничает – она повзрослее на месяц, может себе позволить на правах старшей по грудям. Марья тихонечко засмеялась от этой мысли: «Старшая!»

– Кушайте, кушайте, мои хорошие! – сказала ласково. – Растите большими, умными и добрыми. Ты, доченька, станешь красавицей, а ты, Сереженька, – богатырем. Кушайте...

Мальчик насытился и уже во время кормления уснул от усталости – для него это ещё большой труд. Как- никак только первый день жизни. Марья переложила его обратно в люльку и занялась дочкой: поменяла пелёнки, покачала немного на руках и, заметив ее сонливость, положила к вновь обретенному соседу. И так до очередного кормления...

«Надо что-то делать с этим Васькой, – подумала женщина. – Евсей Петровичу, что ли, пожаловаться?!»

Как ни вечер, приходит Василий и, позоря перед соседями, орет под окном. Мол, пусти, разговор есть. А что у него за разговоры?! Все одно и то же. Вот давеча говорит:

– Марья, жизни без тебя нет. Выходи за меня замуж! Ведь я тебя всегда любил... Хотел сосвататься.

– Раз хотел, что ж не сосватался?

– Кто я был тогда? – спросил Василий, и сам же ответил: – Мальчик на побегушках. Ты и не смотрела тогда в мою сторону...

Марья засмеялась:

– Я и сейчас не смотрю! Ты найди себе другую, Вася. Не пара я тебе – простая вдова с грудным ребенком... А ты себе найди девушку помоложе... Правда, Василий, не ходил бы ты сюда! Перед людьми неудобно.

– Да что мне люди?! – хорохорился Василий. – Я никого не боюсь!

– Ты-то не боишься, а меня бесславишь, порочишь перед людьми! Сам подумай: ну, кто я тебе?!

– Я на тебе женюсь!

– А ты меня спросил? Женится он. Может я вовсе не хочу замуж?!

– А вот и спрошу! Марья будь моей женой!

– Вот пристал, как банный лист! Отстань! Уходи! И не приходи больше!

Но разве он нормального языка понимает?! Сегодня опять приперся – пришлось огреть его кулаком, когда полез обниматься. Ни стыда, ни совести у человека. Но у Марьи кулаки крепкие: так врезала, что сбежал, не попрощавшись. Женщина снова засмеялась своим мыслям, вспоминая, как Василий упал от ее неожиданного удара, опрокинув кадку с водой. Сбежал, черт кудрявый, да еще на Никодима нарвался. А Никодим-то, ничего – видный мужчина – за таким, как за каменной стеной. Хотя, Маша и сама не промах.

А что?! Покойный Михаил Васильевич учил ее и кулачному бою, и стрельбе из ружья, и как шашку держать, и как нагайкой управляться – они же почти все здесь потомственные забайкальские казаки. Покойная матушка рассказывала, что она, вместе родителями, была среди первых пересыльных казаков, которые основали Усть-Зейскую станицу, впоследствии ставшей Благовещенском. Только вот у самой матушки судьба не сложилась – муж, отец Маши, рано помер, дочь растила одна. В конце концов, пришлось идти на услужение к купцу. Тяжела доля одинокой женщины. Но, зато, дочь вырастила на зависть другим.

Марья встала, накинула на плечи цветастый платок и, подойдя к зеркалу, стала разыскивать на лице несуществующие морщинки. Затем поводила плечами – хороша, ничего не скажешь, слава Богу.

Хлопнула калитка в дворе, в сенях послышались шаги и, спустя некоторое время, в дверях появилась смешливая женская голова:

– Хлеб да соль вашему дому!

– А-аа, Глашенька, заходи. Как раз трапезничать собралась, – сказала Марья.

– Благодарствую! Ой, Марья, чет, я смотрю, сегодня у тебя народу. То один, то другой... Дай, думаю, сама зайду спросить, пока поселковые сплетницы небыхлицы не принесли.

– Да, соседка, вот смотри, кто у меня тут, – сказала Марья, показывая рукой на люльку.

Глафира посмотрела в ту сторону, вытянув шею, и заулыбалась.

– Знамо кто: дочка твоя – Дарьюшка!

– Да ты погляди, погляди! – сказала Марья с хитринкой в улыбке.

Глафира теперь уже встала из-за стола и, сделав пару шагов, всплеснула руками. Но не стала приближаться к детям.

– Бат-тюш-ки-и! У тебя ещё один ребёнок?! – не то спросила, не то подтвердила удивлённо. – Боюсь сглазить...

– Иди к рукомойнику, помой руки и садись за стол, – сказала Марья. – За трапезой расскажу.

«Был ребенок, не знал пеленок, стар стал – пеленаться стал!» – проговорила она и, достав из печи чугунок, выставила на середину стола. Запахло ароматами наваристой тыквенной каши с галушками.

– Угощайся, Глафира! Сейчас самовар закипит и будем чаевничать с ватрушками.

– Ой, Марья, я страсть, как люблю ватрушки.

За чаем Марья поведала соседке все происшествия сегодняшнего дня. Не забыла и про Василия рассказать.

– Надоел он мне – хуже пареной репки... Не знаю, как отвязаться от него.

– А что ж ты Евсей Петровичу не пожалуешься? Скажи ему – пускай приструнит кобеля своего!

– Пожалуй, придётся, Глаша. Проходу не даёт. Каждый вечер под окнами торчит.

– Да черт с ним, с кобелем с этим, – махнула рукой Глафира и, подмигнув, заговорчески прошептала: – А что этот Никодим-то? Хорош?!

– Да ну тебя, Глаш! У тебя одно на уме...

Та с хрустом потянулась, раскинув красивые руки.

– Э-эх! А что? Имею право! Я же тоже вдовая!

Глафира была уже пятый год как без мужа, который погиб в стычке с китайцами. Отряд казаков, охраняющий добытое на Амуре золото, нарвался на китайцев, решивших прибрать к рукам готовящийся к отправке ценный груз. В неравной схватке золото отстояли, но потеряли трёх казаков, в том числе и мужа Глаши. Телосложение Глафиры, в отличие от Марьи, было без излишков жира, худой и стройной. Была она небольшого роста, с толстой длинной косой. В ней все время кипела энергия – всегда в движении. Такое же было и лицо – живое, смешливое и красивое. У этой тридцатилетней красавицы было трое детей – дочь Фекла и двое сыновей. Дочери было двенадцать – большая помощница матери. Она тоже часто забегала поиграться к Марьиной дочке. Но та близко пока не подпускала – Дашенька мала ещё. Но когда нужно, Фекла могла посидеть с малышом.

– Пришлешь завтра Феклу за детьми присмотреть?! Схожу до Афанасьева. Авось, не прогонит. Если Василий сегодня опять будет домогаться – точно пойду!

– О чем ты говоришь, Марья? Я сама приду, только кликни! Тем более у тебя теперь двое, Фекла не справится...

Но случилось такое, что Марья решила отложить визит к купцу. В тот вечер, как и ожидалось, пришёл Василий. Был он, по обыкновению, развязан и слегка пьян. Она его впустила в дом, чтобы окончательно разобраться в отношениях и пригрозить, если понадобится, жалобой его работодателю.

– Здравствуй, Марья! Ожидала меня? Знаю, что ожидала!

– Не шуми – детей разбудишь! Да, ожидала. Только не потому, что ты думаешь!

Марья укуталась в большой платок, пока Василий приходил в себя от ее сообщения и, подвинув лавку от стола, села, обняв себя за плечи. Василий осмотрелся по сторонам и сказал:

– Погоди, ты сказала детей? Глашины, что ли?!

– Нет, мои! У меня теперь двое детей.

– Ничегошеньки не понимаю... – Василий помотал кудрявой головой.

– А тебе не обязательно понимать. Василий, давай договоримся: ты пришёл ко мне в последний раз! Ещё раз хочу сказать, что я тебя не люблю и замуж за тебя не пойду. Больше я тебя к себе не пущу! Заруби это себе на носу. Иначе, завтра же пойду к Афанасьеву и пожалуюсь на тебя.

Мужчина ещё раз помотал головой – похоже хмельного выпил лишка. Запустил пятерню левой руки в свои кудрявые волосы и, со злостью их подёргав, попросил:

– Дай квасу!

Жадно отпив несколько глотков, да так, что капли капали на одежду, отдышался, снова отпил, затем, будто успокоившись, сказал ровным голосом:

– Афанасьеву говоришь?! А ты знаешь, что это он сгубил Михал Василича? А?! Это они, не поделив на займке бабу, стали стреляться. Вот Афанасьев удачливее оказался, застрелил Мишу.

– Что-о?! – протянула Марья, прикрыв рукой рот. Кровь схлынула с ее лица. – Врешь, поди?!

– Вот те крест! Сам видел! Сначала они долго ссорились, кричали друга на друга. Про какое-то золото говорили. Михал Василич утверждал, что тот благодаря ему стал купцом. А Евсей Петрович ему: «Ты на мои деньги живёшь! Я их приумножил!» В общем, все вспомнили. Затем вздумали стреляться из охотничьих ружей, пьяные уже были. Оба – отменные стрелки. Только Михал Василич не стал в него стрелять, только прицелился, затем взял в сторону и вlepил картечь в соседнее дерево. Ну, расстояние было небольшим, а потому не было осыпи дроби – ни одна картечина не задела. А Афанасьев вскинул ружьё, тут же выстрелил и попал прямо в грудь. Разворотило Михал Василичу ребра, будто медведь лапой ударил. Вот и придумали для всех, что его медведь задрал...

– Зачем ты мне это рассказал, Василий? – спросила Марья, тяжело вздохнув.

– Хочу, чтобы знала, кто тебя вдовой сделал. Я скоро уйду него – это страшный человек. Когда-нибудь он и со мной так поступит. Если уж Михал Василича не пожалел...

– Ты же говоришь, что им было чего делить? А с тобой что? Аль придумал, в отместку мне, эту историю?!

Василий посмотрел пристально в ее глаза и медленно перекрестился, затем, достав из-за пазухи, поцеловал нательный крест.

Глава 3. На китайской стороне

Вернувшись из Верхне-Благовещенска, Никодим, первым делом, направился к губернатору. Он уже по дороге домой узнал, что собирается войско в поход на китайскую сторону. Решил тоже принять участие – авось, следы Ликин обнаружатся.

Подождал у дверей, пока закончится совет, разойдутся приглашённые начальники, и постучал в дверь.

– Ваше высокопревосходительство, позвольте войти?

– А, Никодим, заходи! Что опять случилось?

– Ничего, Константин Николаевич, слава Богу. Ваше высокопревосходительство, прошу позволения записаться в поход. Хочу вас сопровождать.

– Ну, положим, меня есть кому сопровождать. А твоё желание похвально. Скажу атаману, чтобы тебя записали в десятники. Удадь казацкую не растерял еще на губернаторских харчах?

Никодим приосанился и сказал:

– Никак нет, ваше высокопревосходительство!

– Ну, ступай тогда! Готовься. Послезавтра выступаем. Коня подбери себе из моей конюшни. Разрешаю. А оружие и амуницию получишь в полку.

Но на следующий день город был атакован китайцами, перебравшимися на русский берег при восемнадцати орудиях. Их сначала встретили огнём крестьянские дружины, а затем в помощь подошла сотня Амурского конного полка. Общими усилиями китайские солдаты были вытеснены с русской территории.

Генерал-лейтенант Грибский решил изменить первоначальному плану атаковать правый берег большими силами. Ночью полторы сотни казаков переправились через Амур и атаковали цинских солдат.⁴ Самое узкое место Амура было возле Верхне-Благовещенска. Переправа осуществлялась с помощью лодок, переданных атаманом посёлка.

Но эта вылазка для них была неудачной: напоревшись на ожесточенное сопротивление, в короткой схватке был убит сотник Юрковский, командир отряда. Было решено вернуться на свой берег.

Среди совершивших вылазку на вражеский берег был и Никодим со своей десяткой. Когда прозвучал сигнал к отступлению, в пылу битвы казаки оторвались от основных сил. Пришлось с боем прорываться к своим. Несмотря на то, что у китайцев был численный перевес, они не отличались высокой дисциплиной и организованностью. Никодим заметил – как только казаки наседали, китайцы беспорядочно отступали. Для сотни Юрковского не составило бы труда разгромить цинский отряд, но гибель самого командира спутало их карты.⁵ Казаки возвращались домой с потухшим настроением.

Никодим, с разрешения урядника, задержался в посёлке, чтобы проведать Сереженьку. На берегу ему встретился Василий. Для встречи казаков на правом берегу собралось много поселковых и среди них заметно выделялась яркая рубашка и кудрявая голова приказчика купца Афанасьева.

– Господин младший урядник! – крикнул он, узнав Никодима. – Мое почтение!

– Здорово будешь, Василий!

– Куда путь держишь? – спросил Василий, заметив, что младший урядник оторвался от сотни и направился в сторону поселковой улицы.

Никодим повернулся в седле на полкорпуса и спросил в ответ:

– Тебе какое дело?

---

⁴ Династия Цин (1662—1911 г.) В этот период в Китае правила династия Цин, соответственно армия называлась цинской.

⁵ Казацкая сотня составляла в военное время 132 человека.

Он невзлюбил приказчика после первой встречи за то, что назвал его уничижительно «мужиком».

– Небось, к Марье направился?! – Василий не отставал и держал своего коня рядом с лошадейю Никодима.

– Предположим...

– Это твой, что ли, ребёнок у неё?

– Мой! Дальше что?

– Да, ничего. Мне теперь все равно!

Василий стегнул своего коня и, гикнув, помчался вперёд. Никодим проводил его продолжительным взглядом и покачал головой: «Черт кудрявый». Это напомнило ему, что и Марья называла Василия таким прозвищем.

– Ой, кто к нам в гости пришёл! – воскликнула Марья, не прерывая кормления малышей. – Смотри, Сереженька, твой Никодим пожаловал...

Никодим снял папаху и церемонно поклонился:

– Здравствуй, Марьюшка! Ну, как вы тут? Справляетесь? Как мой сокол ясный?

– Проходи, Никодим. Все хорошо. У Сереженьки аппетит хороший. Спит спокойно, не капризничает. Настоящий богатырь.

– Ну, слава тебе господи! А то я волновался, что не примет тебя и капризничать будет.

– А как ты, Никодим? Я смотрю, снова на службу подался?

– Да, видишь, как все повернулось?! Грех отсиживаться в такое беспокойное время. Ты уж прости, Марьюшка. Некоторое время меня не будет. Снова в поход собираемся. Ты скажи, в чем нуждаешься? Чем тебе помочь? Может, продукты какие аль в деньгах есть нужда какая?

– Все у меня есть, Никодим, не изволь беспокоиться, – сказала Марья с улыбкой. – Вот мужские руки не помешали бы, но это не срочно. Придешь с похода, тогда милости просим. Мы будем ждать.

– Хорошо, Марьюшка. Я на минутку заходил, пойду я, пожалуй. Мне надо своих ещё догонять.

– Береги себя, Никодим!

Мужчина снова поклонился и вышел. Казаков он догнал уже на подъезде к городу. А в городе было беспокойно, начались массовые убийства оставшихся на русском берегу китайцев и маньчжур. Все это происходило с молчаливого попустительства властей губернии. Мало того, Грибский приказал казакам и крестьянским дружинам полностью очистить правый берег от китайцев и истребить все их посты на том берегу.

Через два дня Никодим был снова на китайской стороне. Их взводу из двадцати шести сабель предстояло напасть на пост китайцев, стоящий напротив Благовещенска, для дальнейшего обеспечения высадки крупного десанта русских.

Урядник подъехал к лошади Никодима и, притянув того за рукав, сказал приглушённым голосом:

– Ты, Никодим, бери свою десятку и подходи к посту вдоль по лесу. Наверняка узкоглазые побегут в том направлении, когда мы наскочим.

– Слушаюсь, господин урядник!

Действительно, когда остатки взвода казаков с гиканьем и криком «Ур-раа!» выскочил на пост китайцев, стоящий на развилке дороги, ведущий на Сахалин, то те, открыв беспорядочный огонь, который не нанёс ни малейшего урона казакам, побежали в лес. Но там их уже ждала десятка Никодима. Дружный двойной залп скошил всех, за исключением одного, видимо командира, с пикой наперевес, что бежал прямо на младшего урядника, крича:

– А-аааа! Ий-ааа!

Он сходу нанёс колющий удар своим оружием. Но Никодим, несмотря на свою кажущуюся медлительность в обычной жизни, в бою был быстр, как русский медведь. Он с лёгкостью

выхватил шашку из ножен и, с вывертом отбив пику в сторону, ударил кулаком левой руки прямо в лоб китайца. Удар был такой сокрушительной силы, что тот упал замертво. С постом китайцев было покончено.

* * *

После разгрома китайских постов на левом берегу наступила относительная тишина. Цинские солдаты и хуэвенцы перестали обстреливать русский берег. Но приморский генерал-губернатор Гродеков решил развить успех и приказал захватить весь левый берег Амура и присоединить к русским территориям. Для этого был направлен десант из шестнадцати пеших рот и несколько сотен казаков при поддержке двух речных пароходов с пушками. В течение трёх дней упорных боев были заняты посёлки Сахалин и Айгунь.⁶

Цинские солдаты ушли в леса и, объединившись с «краснобородыми» – хунхузами⁷, продолжали нападать и оказывать сопротивление русским. В ответ на это Грибский объявил всем добровольцам из числа казаков свободную охоту на этих разбойников. В качестве вознаграждения и с целью лишить хунхузов поддержки местного населения, разрешил уничтожать жильё и забирать продовольствие.

На одну из таких охот вышел и Никодим. Но не с целью наживы, а главной задачей для него было найти следы Ликин. Она как-то говорила, что на этом берегу у неё есть брат. Может быть, он знает, где красавица Ликин.

Отобрав в помощники десятку казаков из числа добровольцев, Никодим переправился на левый берег. Он честно рассказал своим товарищам про основную цель своего похода, но охоту на разбойников тоже не отрицал. Никодим пользовался заслуженным авторитетом среди казаков, да и удача в последнем бою прибавила известности этому богатырю. Поэтому они с удовольствием согласились его сопровождать. Тем более, в случае удачи поход сулил немалые барыши.

Первоначально казаки направились в посёлок Сахалин, что стоял прямо напротив Благовещенска. «Куда податься, казаки? – вопрошал Никодим. – Кого спросить?» Один из казаков предложил пойти на местный торговый рынок. Другого способа узнать о новостях и событиях нет. Но сколько бы ни спрашивали людей про брата Ликин по имени Линг – отвечали односложно «не знаю», или вовсе отказывались отвечать. Только один седобородый старик сказал:

– Вы видели сколько трупов моих соплеменников проплывало по реке?! Думаете, после такого кто-нибудь вам согласится помочь?

– Но ведь не мы начали эту войну, уважаемый! – воскликнул кто-то из казаков.

– Да, в войне прав тот, кто побеждает, – сказал старик. – Но не ждите, что вам здесь рады... Никто вам не поможет.

Казаки, подкрепившись в местной харчевне, выехали из Сахалина в сторону Айгуни.

– А знаете, как по-китайски звучит Айгунь? – спросил давешний казак по имени Павел, знающий местный диалект, что разговаривал со стариком на рынке.

– ...?

– Ай...!

– Что? Как? Повтори!

---

⁶ Сахалин и Айгунь – китайские населенные пункты. На месте Сахалина ныне стоит многомиллионный город Хэйхе. Айгунь находится в 30 км севернее и примечателен тем, что там в 1858 году был заключён Айгунский мирный договор между Китаем и Россией о разграничении территорий.

⁷ Хунхузы (буквально «краснобородые») – местные разбойники, имевшие привычку украшать оружие кисточками из красных ниток. При стрельбе они зажимали кисточки зубами, чтобы не мешали, и поэтому издали казалось, что у них бороды красные.

Павел повторил известное слово из трёх букв. Дружный хохот разорвал тишину просёлочной дороги, напугав птиц на ближайших деревьях. Они вспорхнули темной тучей и исчезли за кронами.

– А чего ж тогда Айгунем называют?

– Это ещё пятьдесят лет назад назад дипломаты закрепили во время подписания Айгунского договора, чтобы для русского слуха по благозвучнее было... Это ещё что, а вот знаете как будет слово...

Казачи, развлекаясь звучанием иных китайских слов, продолжили путь. До посёлка Ай... Айгунь было ещё тридцать вёрст. Дорога пролегла через тайгу. В одном из развилок на них напали хунхузы. Но казаки были наготове – с первыми выстрелами нырнули вниз и открыли ответный огонь из-под брюх лошадей. В результате боя были убиты и ранены три лошади. Раненых лошадей пришлось пристрелить, но в качестве трофеев им достались низкорослые крепкие маньчжурские кони. Хунхузы, потеряв бою половину своих товарищей, исчезли в тайге. Оружие у убитых разбойников были старого образца, поэтому их разобрали и привели в негодность. Дальше продолжили путь с большей осторожностью. Из числа казаков потерь не было.

Перед прибытием в Айгунь десятка Никодима подверглась ещё одному обстрелу. Но так как стрельбу хунхузы вели издалека, а это были они, урона казакам не было. Никодим решил не отвлекаться на эту группу разбойников, а продолжить путь. Они проезжали через небольшие селения, но грабить и жечь дома мирных жителей младший урядник не разрешил – им ещё возвращаться по этой дороге. И не только поэтому – не лежала душа поступать так подло с ни в чем неповинными людьми.

Глава 4. Марья и Никодим

Воскресное богослужение местный батюшка открыл проповедью во славу русского оружия. Марья стояла среди прихожан, разыскивая глазами Никодима – давеча снова обещал прийти.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго...

«Интересно, нашёл он свою Ликин? – с небольшой ноткой ревности подумала женщина.» Что скрывать – нравился Никодим Марье. С некоторых пор стала нетерпением ожидать его прихода.

– ...Бог избрал немудрое мира, говорит апостол, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом...

Сегодня уже два месяца, как Никодим принёс в руках корзину с ребёнком в дом Марьи. И все это время он ходит на китайскую сторону в поисках своей Ликин. И на что она ему?! Этих мужчин не поймёшь, всегда ищут несуществующего счастья, не видя, что происходит под носом.

– ... Без жертвы невозможно угодить Богу и спастись, и, может быть, еще и по этой причине Бог попускает на земле войны, болезни и прочие испытания. Ведь на войне люди поставлены в такие условия, что часто бывают вынуждены жертвовать собой ради других, тогда как в мирное время они ничего такого никогда бы не сделали...⁸

Марья, наконец, разглядела среди прихожан большую фигуру Никодима. Поймав взгляд женщины, мужчина улыбнулся и кивнул. Он за последние дни еще больше окреп, загорел, но немного осунулся. Дают знать заботы, которые он взвалил на себя. Это был уже не тот медлительный Никодим, раздобревший на спокойной и сытной службе у губернатора. Сейчас на Марью смотрел уса́тый казак с сильным, жестким и волевым лицом, что бывает у людей, побывавших на войне и смотревших смерти в глаза.

Никодим вышел из церкви, подождал Марью и, тепло поздоровавшись, они пошли по улице. Дома их ждала Глашина дочка Фрося с детьми. Так и пошли рядышком, не обращая внимания на заинтересованные взгляды сельчан: Марья беззаботно размахивая концом платка, а Никодим – ведя лошадь за узду. Посторонний человек мог бы подумать, что это возвращается казак со своей супружницей с воскресной службы.

Дойдя до дома, Никодим, первым делом, пошёл посмотреть на Серезеньку.

– Ну что, сокол ясный, растём?! О, какой мы теперь большой стали! Улыбаться умеем! А зубы-то где? Нет зубов? Ну, ничего, это дело наживное...

– Марьюшка, а он хорошо кушает? – спросил мужчина разогнувшись. – Не капризничает?

– Серезенька у нас мальчик не капризный. Серьезный, я бы сказала. Он всеми силами старается быстрее вырасти. Будто спешит куда.

– Куда спешит? Известное дело, куда! – воскликнул Никодим. И сам же ответил: – Ко мне!

Марья рассмеялась – ей было душевно в компании этого мужчины. Но следующие слова Никодима заставили ее расстроиться.

---

⁸ Из проповеди священника Ионна Павлова. «В начале было слово. Сто избранных проповедей.»

– Марья, мне скоро предстоит уехать. Часто не смогу теперь приезжать. Вот я думаю: может мне Сереженьку с собой забрать?! Авось найду там кормилицу...

– А чем я тебя не устраиваю? – вскинулась Марья. – Не отдам я тебе сыночка. Куда ты собрался? Опять искать свою Ликин?

– Нет, Ликин, пожалуй, я не найду уже... Нет никаких следов.

Дело в другом. Нашего губернатора отправляют в отставку. Не понравилось Государь Императору, как он дело повёл с китайцами. Вот, решил меня облагодетельствовать новой службой перед отъездом из Благовещенска. Рекомендовал меня в лесную службу помощником лесничего. Звание унтер-офицера пожаловал и жалованье неплохое. Теперь мое жильё будет вдалеке – участок находится в ста верстах отсюда. Я подумал, что тебе тяжело будет с двумя детьми одной...

После этих слов в глазах Марьи вспыхнула надежда, но Никодим продолжил:

– Я говорю: может я заберу Сереженьку-то?!

– Не отдам мальчика! – воскликнула со злостью Марья. – Что хочешь делай!

– Ну, ладно, ладно... – сказал примирительно Никодим. – Я же так... чтобы тебе ношу облегчить.

– Не тяжела ноша. Справлюсь как-нибудь.

– Марьюшка, сердце мое, не обижайся. Не могу я тебя забрать. Там же тайга, лес. За сто вёрст человеческого жилья не найдёшь.

– А я и не спрашиваюсь! – сказала Марья успокаиваясь. – Значит, хотел в свою «тьмутаракань» Сереженьку нашего забрать?! Нет уж! Пусть здесь живет... нечего ему в таком крошечном возрасте по лесам шастать! Мы с тобой договаривались вначале, что до четырехлетнего возраста думать не смей забирать его!

– Хорошо, Марьюшка! – прогудел басом Никодим. – Только не злись! Полдень уже – может покормишь казака?!

Марья всплеснула руками и засуетилась, забегала, приговаривая:

– Вот дурья башка! Вот дурная баба... Прости, господи! Сейчас, сейчас...

Сноровисто вытащила любимый чугунок из остывшей печи – долго держит тепло – сбегала в погреб за разносолами, нарвала с огорода зелени и, спустя небольшое время, стол ломился яствами. Тут был и квас ядреный, были и морковные пирожки, малосольные огурчики, и сало нарезанное тонкими пластами; кроме того: наваристый борщ со сметаной, рыба запечённая и каша из полбы – на то и воскресенье, чтобы угощаться.

Никодим взял большой кусок хлеба, положил сверху пласты сала, откусил, затем отправил в рот дольку чеснока, пожевал и погрузил ложку в тарелку с борщом...

– Ммм... Вкусно как, Марьюшка! Язык можно проглотить. Давно я не едывал такого борща.

– Кушай, Никодим! – сказала Марья. – Вон ещё огурчиков малосольных бери! Грибочки! Лучок зелёный!

Она сидела напротив и, подперев ладонями щеки, любовалась тем, как аппетитно кушает мужчина в ее доме. Надоело уже готовить только для себя. Вот настоящее счастье – дети, муж... мужчина – тихое семейное счастье. Только вот мужчина собрался уехать.

– Надолго ты в тайгу?

– Пока не знаю. Поеду, освоюсь, поживу, а как будет okazия – приеду к вам.

– Когда в путь?

– Вот, завтра и поеду...

– Баню затоплю тогда, – сказала Марья. – Ты побудь дома, пока я воды натаскаю.

– Хорошо, Марьюшка. Ты только воды нанеси, а остальное я сам...

Марья вышла из дома, оставив Никодима с детьми. «Хорошая женщина», – подумал он, тяжело вздохнув. Но вот не выходит из головы Никодима милая Ликин. Стремительно ворвав-

шись в тихую жизнь мужчины и оставив след в сердце, а в руках ребенка, исчезла в неизвестном направлении. Несмотря на то, что Никодим искал и не нашел следов, душа подсказывала: «Она жива!» – поэтому он не оставлял надежды ее найти. А Марья? А что Марья?! Кормилица Сереженьки, без сомнения, хорошая женщина: молода, умна и красива. Есть у нее хозяйственная жилка, домовитость и основательность. Но нет той необъяснимой прелести и страсти, что заставило бы учащенно биться сердце казака. Бывало, Ликин улыбнется и посмотрит раскосыми глазами или просто пройдет мимо, задев лишь дуновением ветерка, а у Никодима сердце выпрыгивает из груди.

Марья пришла со двора раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но со счастливой улыбкой. От былой грусти не осталось и следа.

– Все! Я уже и затопила. Тебе ничего не надо делать, Никодим. Разве что дров немного наколоть...

Мужчина обрадованно вскочил, лишь бы чем занять себя. Иначе от этих мыслей с ума сойдешь, особенно, когда Марья каждый раз вглядывается в его глаза с надеждой.

– Ххык! – и тяжелый металл топора опускается на березовый чурбан, раскалывая его пополам.

– Ххык! – и мысли улетают прочь, оставляя лишь действие.

Взять чурбан из кучи, поставить на колоду, поднять топор, расколоть...

– Ххык! Ххык! Ххык!

– Ххык! – и... инструмент застревает.

Мужчина поднимает топор вместе с чурбаном над головой и, развернув обухом вниз, с силой ударяет об колоду – поленья разлетаются в стороны. Так... Снова берет чурбан из кучи, ставит на колоду, поднимает топор...

– Ххык! – прочь ненужные мысли.

– Ххык! – прочь сомнения.

– Ххык! – прочь преграды.

– Ххык! Ххык! Ххык!

Через несколько часов усталый, но довольный, Никодим сидит на колоде, попивая холодный квас. Вышел пару чурбаков для бани расколоть, а переколол все напиленные дрова, да еще и в поленицу сложил. Остановливался лишь квасу глотнуть, что выносила Марья. Она не стала прерывать его труд – хуже этого нет, особенно когда видишь, что мужчина работает в удовольствие. Только из окна наблюдала, как он колет дрова. Как бугрятся мускулы на спине и руках, перекачиваясь при каждом движении, вызывая в сердце женщины сладкую истому.

В баню Никодим пошел в одном исподнем, закинув на шею большое льняное полотенце.

– Ооо... Ух, ты... – воскликнул мужчина, зайдя в баню. – Тут уши в трубочку сворачиваются от жары... Хорошо натопила, Марьюшка.

Никодим подкинул еще воды из ковшика на камни. От них с шипением вырвался пар, обволакивая тело приятным жаром. Мужчина лег на полок и, растянув ноги на всю длину, закрыл глаза. Он всеми фибрами чувствовал как банный жар, проникая вглубь тела, пробуждает уснувшие внутренние волокна – процесс банного перерождения был запущен. Через некоторое время он облился холодной водой и вышел в предбанник отдышаться и попить квасу.

Во второй раз в парилку зашел уже с веником. Березовый веник ожидал своего черед в предбаннике: запаренный, облитый холодной водой и завернутый в чистую холщовую тряпку. Зайдя в парилку, Никодим опустил его в кадку с горячей водой, тут же вытащил и, встряхнув, полез на полок. Прямо оттуда подкинул воды на камни и начал париться. Сначала прошелся по коже едва касаясь и поглаживая, затем легкими движениями нагнал на тело горячий воздух. Снова подкинул воды на камни и, дождавшись, когда пар растечется по потолку, стал, покрывая, хлестать себя... Вволю напарившись, облился водой и вышел отдохнуть, попил квасу, посидел и прислушался к организму: «Есть еще силы?! Просит еще?!» Похоже, что надо...

Зайдя в парилку, поддал пару и снова полез на полку. Но начать повторный процесс приятного самоистязания с помощью веника не удалось. Скрипнула дверь и в проеме показалось дебелое обнаженное женское тело...

Глава 5. В тайгу

– Государь Император в видах скорейшего восстановления дружественных соседских отношений к Китаю соизволил решить не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям... – сказал генерал-лейтенант Грибский. – Моя миссия исчерпана. Хотя покидаю Благовещенск с тяжелым сердцем, но совесть моя чиста – я лишь выполнял приказы военного министра.

Выступление бывшего губернатора Благовещенска перед членами Дворянского собрания губернии было коротким, но встречено овациями. Все события короткой войны с Китаем нашли отклик в сердцах присутствующих. И не только присутствующих, но и всего населения, кроме китайцев.

Подойдя к роскошному конному экипажу, запряженному молодыми ухоженными лошадьми, Грибский, прежде чем сесть, задержался возле рослого мужчины с усами, одетого в новенький мундир губернского секретаря Корпуса лесничих⁹.

– Ну что, Никодим! Благодарю тебя за службу! Ты славно служил мне.

– Рад был стараться, ваше высокопревосходительство!

– Надеюсь, в лесном департаменте не посрамишь честь мундира. Ведь я за тебя поручился. Труд лесного кондуктора трудный – его получают настоящие знатоки и ценители леса. Отдавай все свое умение и душу этому благородному и мирному делу. Ты знаешь, что за упорство, трудолюбие, выносливость и твердость духа лесных кондукторов называют «лесными подшипниками»?!

– Буду одним из таких «подшипников», ваше высокопревосходительство! – сказал Никодим, выпятив грудь. – Благодарствуйте за доверие!

Бывший губернатор потрепал Никодима по плечу и сел в экипаж.

– Трогай!

Губернский секретарь опустил руку от козырька. Роскошный экипаж покачиваясь на ресорах удалялся, оставляя за собой клубы пыли.

* * *

Сборы Никодима были скорыми. Имущества он за время службы у губернатора не нажил. Кроме подаренной губернатором лошади, ничего и не было. Правда, были кое-какие сбережения. Все жалованье, получаемое от службы, он относил в местный банк. Ведь жил на казенных харчах, а для себя ему ничего и не нужно было. До некоторых пор...

Навьючив лошадь продуктами и предметами первой необходимости, Никодим пустился в путь. Губернский лесничий проводил его до начала вверенного участка и, вкратце объяснив обязанности, засобирался обратно.

– Двигайся по этой просеке и не ошибёшься, – сказал он махнув рукой. – Она приведёт тебя к избе.

Лесная изба была расположена в удивительно красивом месте. Огромная поляна полукругом огибая дом, словно держала его в объятиях с помощью растущих по краю деревьев. По правой стороне поляны, делая изгиб, протекал небольшой ручей. Ниже по течению была устроена запруда, то ли бобрами, то ли прежним хозяином – это он решил выяснить позже. Из окон избы, примыкающей задней стороной непосредственно к лесу, открывался потрясающий вид на закат. Благодаря тому, что лес, начиная с конца поляны, находился ниже уровня

---

⁹ Гражданский классный чин в царской России. Для присвоения чина губернского секретаря необязательно было быть дворянином.

дома из-за крутого склона, почти весь участок, вверенный Никодиму, был как на ладони. Зелёный покров леса тянулся до самого горизонта, окрашенного оранжево-красным закатом на безоблачном небе.

Первым делом, помощник лесничего принялся за обустройство своего жилья и быта. Вычистил дом от хлама, оставленного прежним жильцом, отмыл, отскрёб до черна закопченные стены и потолок, занёс свой скарб, отремонтировал топчан, поправил входную дверь... Затем подготовил место в сарае для лошади. А ее пустил кормиться – в загоне росла трава по колено. Здесь не было хозяина несколько месяцев.

Пока возился наведением порядка в хозяйстве, наступили сумерки. Наскоро наварив кашу и вскипятив чай, Никодим поужинал и улёгся спать.

Снилась ему, что он проснулся на новом месте от запаха блинов. Открыл глаза, глядь, а у зева печи стоит Марья в белом вышитом фартучке. На сковороде шкворчит масло, а весь дом заполнен умопомрачительными аппетитными запахами. Никодим протер глаза и осмотрелся. Точно – лесная изба. Вон, и ружьё его висит на гвозде, и стена, собственноручно вычищенная, блестит желтыми боками брёвен. Посмотрел в окно, а там темно. «Что за черт?!» Хочет позвать Марью, но не может. Вдруг она поворачивается, но на Никодима смотрит улыбающееся лицо Ликин.

– Никодзиим! Цы проснулся?! Всавай, сейчас будем блинчики кушаць!

И тянет к нему руки. А руки то марьины... Он их помнит. Такие мягкие, пухлые, нежные... Образ Ликин исчез, только Марьян остался... Она взяла его за руки, повела через комнату к двери.

Открывает входную дверь, а там баня жарко натопленная. Полезли на полоч. Никодим раздетый, а Марья, как была в платье с фартучком, так и сидит в ней. Ей совершенно не жарко – Никодиму мочи нет терпеть. Полез вниз, на пол, облиться холодной водой. Ищет, шарит руками, а воды-то нет. Нашарил кое-как ручку двери, толкнул со всей силой и... проснулся от грохота упавшего стула. Никодим встал, взглянул в окно – утро уже – поставил стул на место у топчана, попил воды, снова сел, подумал немного, отходя от дурмана сна и стал одеваться.

Лошадь Никодима, по кличке Гроза, встретила хозяина, красиво вскинув голову с чёрной гривой. Он был той редкой «горностаевой» масти – серая в яблоках шерсть в сочетании с чёрными гривой и хвостом, что придавало ей схожесть с горностаем. Кличка кобылы соответствовала ее характеру – во время сабельных атак на китайские посты бесстрашно насадала на врага как грозное облако. И не раз выносила Никодима из, казалось, безнадежных ситуаций. За время походов и короткой войны они здорово подружились.

Сейчас Гроза мирно паслась в загоне посреди безбрежной таежной зелени. Похоже на то, что она недавно встала на ноги – рядом поблескивало полотно примятой травы.

– Ну что, Гроза! – окликнул ее Никодим, протягивая небольшой кусочек сахара. – Нравится тебе здесь?

В ответ лошадь тихо заржала и потянулась губами к ладони – та еще сладкоежка, знает хозяин.

Помощник лесного смотрителя решил сделать обход вверенной территории и, заодно, познакомиться с лесом. Грозу не стал брать, а оставив ее в загоне, пошёл пешком – тайга не любит суеты. Никодим, на первый раз, двинулся по правой просеке. Путь пролегал через ручей, делающий крутой изгиб у поляны. Мужчина перебрался на другой берег по стволу упавшего поперёк дерева, балансируя с помощью карабина. Спрыгнув на землю, подобрал вещмешок, который перебросил перед тем, как взобраться на импровизированный мостик. В мешке была провизия на день, спички, топор, ручная пила и сменная одежда. Это был теперь ежедневный запас для обходов участка.

Просека, по которой он шёл, была достаточно ухожена. При необходимости по ней можно было проехать на телеге с лошадьёю. Но пройдя вёрст пять, Никодим наткнулся на валежник –

несколько сухих деревьев были сломаны ветром и лежали преграждая путь. Мужчина потратил полдня, распиливая стволы на части и расчищая пространство просеки.

Работа спорилась, но он не забывал прислушиваться к звукам леса – шуму деревьев, крику сов, пению птиц. Свой лес – есть свой лес. Надо научиться различать. Иной человек, если он не вырос в лесу, пройдёт по территории, не придавая никакого значения тому, где находится. Ему вся тайга на одно лицо. Другое дело, если ты, волею судьбы, обязан находиться здесь. Значит, надо знакомиться. Показать себя тайге – мол, вот он я, прошу любить и жаловать. А самому постараться познать лес: руками трогать деревья, погладить, поговорить с ними, узнать, где лежища зверей, их берлоги, тропы, чтобы не попадаться на их пути, зря не шуметь.

На небольшом бездымном костерке Никодим вскипятил чай, перекусил, отдохнул и собрался на обратный путь. Вскоре начнёт вечереть, а путь неблизкий. Завтра проедет по этой же просеке на лошади. Наиболее толстые части стволов упавших деревьев не удалось убрать – Гроза поможет.

Возвращение хозяина кобыла встретила громким ржанием – соскучилась.

– Ну, здравствуй, Гроза! Сейчас, сейчас – выпущу из загона. Давай, иди погуляй! Только извиняй, стреножу тебя.

Никодим присел и с помощью пут связал вместе передние ноги Грозы, оставив между ними расстояние с локоть. Она уже давно привыкла к таким действиям хозяина, стояла смиренно. Затем мужчина принялся налаживать телегу, стоящую под навесом: заменил одну оглоблю, проверил колеса, стал смазывать оси дёгтем.

– Бог в помощь!

Никодим от неожиданности вздрогнул и повернул голову через плечо. В десяти шагах от него стоял небольшого роста мужчина с карабином в руке и угловатым туеском за спиной. Туесок был закреплён ремнями на манер вещмешка. Никодим выпрямился и, отложив ведерко с дёгтем, сказал:

– Благодарствуйте! Проходите – гостем будете!

– Я Иван. Иван Дементьев. Сосед твой. Мой участок справа за холмом. Мы, стало быть, коллеги.

Никодим не понял последнего слова, но виду не подал, а понял – Иван такой же кондуктор леса, что и он сам. Обрадованно протянул руку:

– Никодим.

– Знаю, – сказал Иван. – Вчера ко мне заезжал наш лесничий. Сказал, мол, новый помощник на соседнем участке, помоги на первых порах. Пришёл посмотреть, как ты тут. Да не с пустыми руками. Вот...

Он снял со спины туесок, поставил на землю и... достал щенка. Погладил по голове и передал Никодиму.

– В нашем деле без собаки никак, – продолжил Иван. – Пару месяцев назад моя лайка оценилась. Всех раздал уже, а этот последний с помета. На мать похож. Моя Умка – рабочая собака. Зверя чует за версту. И этот будет такой же – я в собаках знаю толк.

– Ну, уважил, Иван! – воскликнул обрадованно Никодим! – Благодарствуй! Я все думал давеча: где хорошую собаку найти...

– Собака, – сказал Иван, закуривая трубку. – Это первый помощник в лесу. Она и зверя найдёт, и предупредит, ежели есть опасность.

– Ну, что мы на улице, Иван?! – вскинулся Никодим, поглаживая щенка. – Пойдём в дом, сейчас самовар закипит.

– Да, пойдём, – согласился Иван. – Ежели позволишь, заночую у тебя. На ночь глядя в лесу бродить не след...

– Конечно, Иван! – перебил Никодим. – Заходи, расскажешь мне про нашу работу.

Иван вытряхнул трубку об каблук и направился за хозяином в дом. Никодим разместил щенка возле печки на кусок тряпки.

– Полежи пока... сейчас... сейчас... Ты, Иван, проходи, присаживайся...

Снова вышел в сени, там послышались звуки возни, кряхтение, стук. Наконец, открылась входная дверь и, Никодим, довольно улыбаясь, принёс кусок овчины шкуры. Похоже было, что он разрезал старый тулуп, найденный давеча среди вещей, оставленных прежним хозяином. Постелил принесенную овчину и переложил туда щенка. Тот был доволен: покрутился на месте, подыскивая удобное положение, разлёгся, зевнул, широко раскрыв маленькую пасть, и гавкнул. Иван с Никодимом синхронно рассмеялись.

Никодим налил чаю из самовара, принесённого со двора, подал гостю. Иван пригладил бороду и отпил из блюдечка, поблескивая такими синими глазами, что казалось в них отражается небо. Удивительное сочетание тщедушного мужчины на вид за пятьдесят с лишним лет с такими ясными глазами, как у молодого.

– Сколько тебе лет, Иван? – спросил Никодим.

– Тридцать один... А что?

– Нет, ничего... Выглядишь старше.

– Это из-за бороды, – рассмеялся Иван. – Все так говорят. А как сбрую – никто не узнает! Однажды даже жалованье в лесничестве отказались выплатить, говорят: «Ты не Дементьев!»

Вот так за разговорами опустошили самовар, а к тому времени наступили сумерки. Что Никодим, что Иван привыкли ложиться спать рано, так же рано вставать. «Кто рано встаёт, тому бог даёт», – сказал гость. Для него место единодушно определили на печи – самое то... Вот только, как потушили лампу, другой, новообретенный дружок, стал беспокоиться и скулить... Пришлось Никодиму взять его к себе. Тот, благодарно лизнув руку, уснул в уютном тепле от хозяйского тела.

Часть 2. Тайга – учитель

Глава 1. Пожар

На заиндевелую изгородь загона села сорока, покрутила головой, заинтересованно разглядывая собаку, и, застрекотав, полетела в направлении другого конца заснеженной поляны. Лайка проводила ее взглядом, поворачивая голову вслед удаляющейся птицы, и снова уставилась на входную дверь избы. Скоро должен выйти хозяин...

Открылась дверь и собака завиляла хвостом – вышел мальчик, одетый меховую шубу, шурясь от лучей яркого зимнего солнца, отражающихся на снежном покрове. За ним в такой же шубе из оленьих шкур, на манер тунгусов, появился Никодим. Шубу и штаны ему подарил Онганча – местный тунгусский охотник. Они оказались настолько удобными, что такие же шубку и штаники из оленьих шкур сшили маленькому Сереженьке.

– Иди сынок, погуляй, поиграйся с собачкой, – сказал мужчина. – Чингиз! Охраняй Сереженьку!

Пёс сделал стойку, затем, лизнув в лицо мальчика, побежал рядом с ним в сторону горки, сделанной Никодимом накануне.

– Сынок! – крикнул мужчина. – Я пойду в сарай. Посмотрю ножки Грозы. Что-то припадает правую переднюю – не потерял ли подкову...

Последние фразы Никодим говорил сам себе. Мальчик уже не слышал и не слушал – так был увлечён. Лишь махнув рукой на первую фразу, продолжил карабкаться на горку. Так Серёжа постигал первые азы самостоятельных тренировок по сообразительности, ловкости, силе, равновесию... Правда, пока в этих вопросах Чингиз опережал его по всем статьям. Хотя они были одного возраста, но пёс был взрослым, умным и опытным, а пятилетний Серёжа – только в самом начале постижения вкуса к жизни. Но у них были, кроме возраста, и некоторые схожие черты судьбы. Чингиз не раз вступал в схватки со зверями, спасая хозяина; горел в тайге, но вывел Никодима из-за стены огня. Серёжа тоже горел...

Эта трагическая история так сильно отразилась на неокрепшей психике мальчика, что пришлось Никодиму забрать его в тайгу, несмотря на малый возраст. В тот год Серёже исполнилось как раз три годика.

* * *

Марье давно не давали покоя слова приказчика Василия о том, что в смерти ее мужа виноват сам купец Афанасьев. И та пачка ассигнаций, которую он вручил самолично после похорон Михаила Васильевича, было лишь желанием откупиться, а не искренней помощью работодателя.

Однажды, после воскресной службы в церкви, отстав от прихожан, Марья подошла к купцу и сказала невзначай, поигрывая плечиками:

– Тут сорока на хвосте принесла, что муженька маво вовсе не медведь задрал... Давеча ко мне пристав благовещенский заходил. Все допытывался про ту историю.

– А ты, стало быть, сказала, что не медведя дело?!

– Я-то, Евсей Петрович, ничего не сказала. Откуда мне, глупой бабе, знать – медведь его задрал, али за бабу пострелялся с кем?!

Услышав последнюю фразу, Афанасьев остановился, исподлобья глянув на женщину, процедил сквозь зубы:

– Вот именно, что глупая! Знай, что говоришь! Какая стрельба, какая баба?

– Ой, Евсей Петрович! – воскликнула Марья, напустив на себя игривость. – Я ж говорю, что слухи. То там скажут, то тут. Откуда мне знать...

Афанасьев махнул рукой на ожидавших домочадцев, соединил пальцами другой руки, сложил на объемистом животе и, с прищуром посмотрев в глаза Марьи, проговорил назидательно:

– Вот что, Марья! Попридержи язык. С огнём играешь!

– Я что? Я ничего! Вот только не знаю, что и сказать, когда пристав в следующий раз придёт...

– Хорошо! Что ты хочешь? – спросил Евсей Петрович, поигрывая чётками. – Денег?!

В этот момент на Марью что-то нашло и она, вдруг посерьёзневшая, бросила со злостью в лицо самодовольному купцу:

– А верните мне мужа, Евсей Петрович! Вот я баба молодая да здоровая, три года как без мужа живу! Вот хочу, чтобы вернули мне мужа! На что мне ваши деньги!

– Успокойся, Марья! Люди смотрят. Деньги – это все! Без них в наше время ничего не делается. Зря ты так! Мужа я тебе не верну, а вот деньгами могу помочь. Только придержи язык – навредить не навредишь, а репутацию мне подпортишь!

– Ах, о репутации печётесь, Евсей Петрович?! А обо мне не подумали, когда в моего Мишеньку стреляли?

– Ты что?! – воскликнул купец, с ужасом в глазах. – Акстись! Не стрелял я в Мишу! Медведь задрал! И точка! Не слушай чужих наговоров!

– Да и я так думала, что наговаривают злые люди. Только вот пристав говорит, что свидетели нашлись... надо заявку написать... чтобы заново дело подняли...

На следующее утро Афанасьев помчался в управу и выяснил, что никакого дела нет – давно закрыто. Там был у него свой человечек, прикормленный. Тот сказал:

– Конечно, Евсей Петрович, ежели законная супруга али другой близкий родственник потребует, в силу новооткрывшихся обстоятельств, возобновить уголовное дело, то согласно Высочайше утвержденного Государь-Императором Уголовного уложения от марта двадцать второго...

– Ладно, хватит! Не было у него близких родственников. Только Марья. А Марью я сам возьму в оборот. На вот, держи, супруге твоей на панталоны... Только смотри у меня, ежели упустишь дело из рук, сам три шкуры спушу.

– Не извольте беспокоиться, Евсей Петрович, я уж догляжу... – сказал «человечек», зыряка глазами на деньги. – Главное, чтобы супруга усопшего дело не затеяла. Ежели она обратится к генерал-губернатору, то... Тут уж я буду бессилён...

Чиновник стыдливо прикрыл каким-то документом ассигнации, брошенные на стол купцом. Затем неуловимым движением опустил их в ящик стола.

Протоиерей верхнеблаговещенского прихода, в миру «отец Владимир», наказав дьякону закрыть ворота, вышел из церкви и направил стопы в сторону своего дома. Сегодня дел было много, слава Господи, задержался. Размеренными шагами двинулся в сторону дома. Его дом стоял через несколько дворов после марьиного. Вдруг в темноте мелькнула чья-то тень, но отец Владимир был подслеповат – не узнал. Зато отчетливо увидел всполохи пламени в окне дома Марьи.

– О, Господи! – воскликнул отец Владимир.

Затем обернулся в сторону церкви, перекрестился, увидел вышедшего закрыть ворота дьякона и, крикнув: «Бей в колокола! Пожар!», побежал к дому, охваченному огнём. Когда отец Владимир прибежал, то внутри дома всюю полыхал пожар. Недолго думая, протоиерей

облился водой из кадки, стоящей во дворе, накрыл голову полами рясы и ворвался в дом. В глаза бросилось распростертое женское тело на полу, детская голова с опалёнными волосами, а рядом – другой ребёнок в той же кровати. Дети были без чувств. Схватив обоих в охапку, выскочил во двор и... его тут же окатили холодной водой, потушив горящую рясу. Он передал Серёжу и Дашу женщинам, прибежавшим под тревожный звон церковных колоколов. Хотел снова войти в дом, но на его руках повисли несколько человек, и вовремя – рухнула крыша.

– О, Господи! – воскликнул поп. – Прости нас за прегрешения наши... Дети живы хоть?!

– Живы, батюшка, живы! Только надышались дыма чуток. Но ничего, сейчас мы их молочком отпоим...

Серёжу к себе забрала соседка Марья Глаша. Мальчик быстро очухался и стал плакать, приговаривая:

– Мама Маня, мама Маня, Никодимка! Никодимка-аа!

– Сереженька, не плачь, сердешный! На вот, попей молочка! Мама Маня уехала. А Никодимку позовём!

Глаша вместе с Феклой, как могли, успокаивали мальчика. Но он лишь к утру смог уснуть. Во сне вскрикивал, бредил, все звал Никодима.

За эти три года не было случая, чтобы Никодим не приезжал раз в две недели проведать Серёжу. Иной раз он оставался по нескольку дней. Он очень сдружился с мальчиком. Постепенно дружба и привязанность к Никодиму крепла и у Серёжи. С нетерпением ждал приезда «Никодимки» каждое воскресное утро.

* * *

Трагическую весть о пожаре лесной кондуктор узнал от тунгуса Онганчи и тут же засобирился в посёлок. Гнал постаревшую Грозу нещадно. В конце концов пришлось ее оставить у Дементьева – настолько лошадь обессилила. Взяв у Ивана свежего коня, погнал дальше. Верный Чингиз бежал рядом, лишь изредка останавливаясь возле ручейков или луж, чтобы хлебнуть несколько глотков воды. Он чувствовал: случилось что-то тревожное для хозяина, но понять пока не мог.

На месте красивого дома с резными наличниками стоял лишь остов русской печи, да головешки. Никодим остановился напротив, одной рукой придерживая коня, а второй почесывая, по обыкновению, затылок. Всюду запах гари, перебивающий все мысли и мешающий сосредоточиться. Тут и там разбросаны вещи, растасканы обгорелые бревна. Пережить пожар – все равно, что начать жизнь с начала, и то, если остался жив. Говорят, что пожар хуже вора – вор хоть стены оставит, а огонь не пощадит ничего. Казалось бы, всего неделю назад ты пил чай с хозяйкой этого дома, а теперь стоишь на улице, в потрясении взирая на остатки того, что нажито непосильным трудом. Невозможно представить, что милой Маши нет, что она в мучениях, страданиях погибла в огне пожарища. Никодим с силой сжал в кулаках уздечку, пытаясь преодолеть душевную боль.

В это время к нему выбежала из соседнего двора глашина дочка и позвала:

– Дядя Никодим! Дядя Никодим! Идемте к нам! Сережа у нас. Все вас зовет... Здравствуйте!

– Здравствуй Фекла! Как он? Плачет?!

– Да, дядя Никодим. Тетю Машу зовет и вас...

Сережа, как только увидел вошедшего Никодима, подбежал, обнял и больше не отпуская до самого отъезда. А то, что его надо забирать с собой, мужчина решил сразу – негоже оставлять у чужих людей.

– А что с Дашей? – спросил Никодим Глафиру.

– Есть небольшой ожог на плече, да половина волос обгорела. Но ничего! Вырастут... Ее забрал к себе в семью Евсей Петрович, слава господи! Мол, и мать, и отец работали на него, настала пора им оплатить, воспитав сироту. А от Сережки отказался, не стал брать... Сказал, что ему не нужен чужой байстрюк, достаточно одной Даши.

– Никодимка, я байстрюк? – спросил мальчик, сидящий на коленях мужчины.

Никодим приобнял Сережу, погладил по голове и сказал:

– Нет, ты – Сережа, Сергей, Сергей Петров сын. Отца твоего звали Петром. Запомни. И ты не останешься один. Не нужны нам никакие купцы. Поедешь со мной в тайгу.

У мальчика загорелись глаза. Он повернул голову, по-взрослому посмотрев в глаза Никодима, спросил:

– Правда?! Ты правда заберешь меня с собой?

– Конечно, сынок. Там есть у нас лошадь Гроза, Чингиз на улице дожидается. Будем жить вместе, не пропадем!

– Не пропадем! – воскликнул Сережа.

Перед отъездом Никодим, взяв Сережу за ручку, пошел в дом отца Владимира, поблагодарить и попрощаться. Протоиерей после пожара расхворался и лежал в постели, не вставая. Доктор, прибывший из Благовещенска, сказал, что отравился дымом. Этого знали и без него, а лучше бы помог. Но нет, сказал: «кушайте побольше фруктов, ягод и молитесь Богу», и был таков.

– Слабость вот в ногах, да сердце колет, – жаловался Никодиму отец Владимир. – Иногда тошнит... Уж третий день так лежу. Но ничего, Бог милостив, не оставит раба своего... Главное, дети живы. Спасены божьею рукой...

– Не хворайте, отец Владимир! А мы с Сереженькой будем молиться за вас! Вот кедровых орешков из тайги привез. Кушайте! Они силы дают...

– Благодарствую! Бог милостив!

– Благословите, батюшка! Нынче мы с Сереженькой уезжаем. Не знаю, свидимся ли?!

– Бог да благословит!

В Благовещенске на имеющиеся средства, не жалея денег, Никодим решил закупить детских вещей, чтобы хватило надолго. Хотя до зимы было еще долго, но теплые вещи тоже не помешают. Когда еще появится возможность приехать в город.

Они остановились у двухэтажного кирпичного здания, украшенного пилястрами, сандриками, рустами и другими архитектурными изысками. Мануфактурный магазин братьев Платоновых на улице Амурской торговал множеством товаров, нужных в хозяйстве.

Нагруженный свертками в одной руке, Сережей – в другой, Никодим столкнулся на выходе с Василием. Тот был, по обыкновению, раздет в яркие одежды: красная рубашка, зеленая черкеска и синие шаровары с желтыми лампасами. Завершали композицию блестящие хромовые сапоги и черная папаха с красным суконным верхом.

– Мое почтение, господин губернский секретарь! – воскликнул Василий, бросив взгляд на петлицы Никодима.

– Здорово, Василий! А ты все в приказчиках у Афанасьева? Или на казацкую службу подался?!

– Бери выше! Ушел я от него. Теперь я представитель торгового дома «Чурин и компания». Вот, нынче уезжаю в Харбин по делам торговли.

– Василий! – сказал с нажимом Никодим. – Скажи, это не твоих рук дело с пожаром в доме Марьи?

– Ты что, Никодим?! – искренне возмутился Василий. – За кого меня принимаешь? Я, может, парень и шепутной, но грех смертоубийства на душу не возьму... Тем более Марью. Я же ее любил.

– От любви до ненависти один шаг...

Василий отвернулся, сделал несколько шагов в сторону, затем решительно вернулся к Никодиму.

– Эх, была не была! Я все равно сюда уже не вернусь – останусь в Харбине.

Торговец приблизился поближе к уху Никодима и зашептал:

– Афанасьева это дело. Я Марью предупреждал, но она не послушалась меня... Не стоило ей ворошить то дело.

– Какое дело? – спросил озадаченно Никодим. – И при чем тут Евсей Петрович? Он же дочь Марьи к себе на воспитание забрал.

– Да потому, что это он убил Михаила. Я это самолично видел. А Марья пригрозила, что пожалуется губернатору. Вот Евсей Петрович и подговорил своих людей ее прибить, а дом поджечь... Афанасьеву все сходит с рук, везде свои люди...

– Ах, вот оно как... А что ж ты молчал? Не заявил, куда следует?!

– Ай, нет! Мне моя жизнь дороже. Ну, прощевайте, господин губернский секретарь! Вы ничего не слышали, а я вам ничего не говорил!

Василий развернулся на каблуках и исчез в глубине магазина. Высокие дубовые двери закрылись за ним, оставив Никодима в глубоких раздумьях.

Глава 2. Беглые каторжане

По расчищенной Никодимом просеке крались трое каторжан. Сбежали они накануне из прииска, убив двоих надзирателей, захватив оружие и спрятанное золото. От погони удалось оторваться, углубившись в тайгу. Золото, намытое на Амуре в течение года и спрятанное в расщелине тремя старателями из числа каторжан, весило примерно полпуда. Однажды они напали золотую жилу с множеством самородков и решили припрятать.

Один из старателей, по прозвищу Сиплый из-за голоса и проваленного носа вследствие сифилиса, был старшим среди них. Старшим был не только по возрасту, но влиянию на остальных. Он-то и задумал комбинацию: прятать понемногу намытое золото в неприметном месте, а при удобном случае сбежать в Китай, захватив груз. В Харбине у него был знакомый ювелир, готовый дать хорошую цену за контрабандный товар.

Второго контрабандиста звали Фёдор. Он был недалекий малый по уму, чего не скажешь о его невероятной силе и внешности. Небольшого роста, плотный, но с длинными руками и короткими ногами, напоминал обезьяну. На низкий лоб спадали рыжие волосы, маленькие, близко расположенные глазки смотрели исподлобья. На губах постоянно блуждала глуповатая улыбка. Он был полностью во власти Сиплого и беспрекословно выполнял все его приказы. Обладая физической силой, тем не менее, не умел ее применять с пользой для себя. Словно кукла на ниточках исполнял только то, что говорил ему Сиплый.

Третий их товарищ был себе на уме. Прибился к этим старателям только потому, что стал невольным свидетелем находки ими золотой жилы. Ничего о себе товарищам не рассказывал, лишь однажды обронил, что его зовут Иван. Федора он презирал, а Сиплого сторонился, словно от заразы.

Им надо было выйти к железной дороге. Сиплый – бывалый контрабандист. Многократно путешествовал через границу. Бывало, что и пешком, но чаще – по железке. У него есть одно приметное место, где можно было запрыгнуть в состав. Там дорога делала уклон с поворотом и в этом месте все поезда сбрасывали скорость. При определенной ловкости можно было зацепиться и запрыгнуть в вагон. Чаще всего выбирал товарные составы – их проверяли меньше.

Теперь троица бандитов пробиралась сквозь тайгу к этому месту. Но похоже было, что они немного заплутали во время погони. Хорошо, хоть преследователи не знали, что они с грузом золота. Иначе не дали бы уйти...

– Сиплый, ты точно знаешь, куда нас ведёшь? – спросил Иван со злостью.

– Не бойсь – со мной не пропадёшь! Видишь, мы идем по просеке, а не по звериной тропе. Значит, куда-нибудь к людям выйдем. Вот свежая вырубка – значит, недалеко и жильё...

– И что? – недоверчиво спросил Иван. – Нам не люди нужны, а путь к железке.

Сиплый ничего не ответил, лишь ускорил шаг. А Фёдору все было нипочём. Почти полпуда золота, которое он нёс в мешке, для него как пушинка. Главное для Феди, чтобы Сиплый его не бросил, не оставил. Тогда и золото не нужно, и жизнь не мила. Он вообще не представлял, чем в жизни заниматься без Сиплого. А Ивана он точно придушит, как только будет знак от Сиплого. Фёдор повернул голову назад и, посмотрев на Ивана, улыбнулся только ему присущей противной улыбкой.

Иван понимал, что в этой команде он лишний, и при случае, наверняка, попытаются избавиться от него. Поэтому во время побега первым захватил оружие охранника. Сиплый тогда попытался отнять револьвер, угрожая своим наганом, и передать Фёдору, но Иван отстоял своё право носить оружие. Теперь он чувствовал себя в относительной безопасности.

Вдруг впереди послышался шум движения: топали ноги, шуршали листья, ломались, с треском, сухие ветки. Внезапно на просеку, прямо перед контрабандистами вывалились двое каторжан. То, что они были ссыльными, видно по их одежде и голодным взглядам.

– Стоять! – крикнул сиплый голос.

Те остановились и стали испуганно озираться. Увидев таких же, как они, лихих людей, немного успокоились, подобрались – тоже не лыком шиты – могут за себя постоять. Но направленные на них стволы решили исход.

– Кто такие? – спросил Сиплый. – Политические?!

– Да! – ответил тот, который был постарше.

Сиплый самодовольно улыбнулся, насколько ему позволяло обезображенное лицо.

– Политические! Я вашего брата за версту узнаю. Носитесь по лесу, как лоси. Не разбирая ног. Вас так в два счёта найдут и сцапают.

Политические смущенно молчали. Лишь тот, который помоложе, сделал попытку возразить, но был остановлен жестом старшего.

– Куда путь держите?

– В Петербург.

Сиплый захохотался в смехе. Его товарищ тоже заулыбался, а у третьего вовсе не сходила с лица своеобразная улыбка.

– Что вы смеётесь? – вскинулся молодой политкаторжанин. – Да, мы держим путь в Петербург!

– Тебе, ваш бродь, сначала надо из тайги выбраться, а потом уже думать о столице, – просипел Сиплый. – У вас дорожку к железке спрашивать, я думаю, бесполезно?!

– Кажется, туда! – махнул рукой молодой.

– Ежели кажется – перекрестись! Продукты есть?

– Нет, мы накануне все съели!

– Ну-ка, Федя проверь!

Фёдор отложил мешок и вразвалочку направился к политическим. Сорвал с плеча одного мешок вещами, с другого... Развязав узелки, высыпал содержимое на землю. Под ноги посыпались личные вещи каторжан, несколько книг, брошюрки, полкраюхи хлеба и кусок сала. Федя бросил мешки, подобрал хлеб и сало.

– Ну во-ооот, а говорите, что нет продуктов... Нехорошо врать!

– Это был наш «НЗ»... – сказал молодой.

– Что, что? – спросил Сиплый. – Какое такое энзе? Я вижу хлеб, да сало!

– Ну, неприкасаемый запас. На самый крайний случай.

– Ха-ха-ха! Этот крайний случай наступил! Вы нас спасёте от неминуемой смерти от голода.

– Берите, ешьте, раз вы голодны! – сказал старший из политических.

– Премного благодарен, ваш бродь! Только мы сейчас есть не будем, ваш бродь. Теперь это будет нашим энзе.

– Да, прекращай меня благородием называть! Меня зовут Алексей Дмитриевич.

– Да мне хоть чертом назовись – все вы из благородных! В общем так, господа каторжане. Нам с вами не по пути. Нам прямо, а вам... не знаю куда! Будете идти за нами – пристрелю.

В это время в разговор вступил Иван:

– Слышь, Сиплый, тут, кажется, ещё люди... Лошадиный запах и детские голоса... Слышите?!

Действительно, тут же послышалось лошадиное ржание, мужской окрик и плач ребёнка.

– О, это вовремя! На лошади мы быстрее доберёмся.

– Ребёнка хоть не трогайте! – сказал тот, который назвался Алексеем Дмитриевичем.

– Тебя не спросил, ваш бродь! Ну-ка, Федя, свяжи этих... покедова...

Фёдор подскочил и сноровисто связал веревкой руки и ноги политкаторжан, пока Иван держал их под прицелом. А Сиплый пошёл посмотреть, что за шум там впереди. Он сошёл с просеки и стал пробираться через чащу в сторону голосов. В отличие от политических, от его

движений не раздавались никакие звуки. Просто раздвинул ветки придорожных кустов и исчез. Через три десятка шагов перед его взором открылась следующая картина.

На небольшой каменистой поляне лежала лошадь, по всей видимости со сломанной ногой, а рядом стояли двое – мальчик лет семи и усатый мужчина, довольно крупный, с карабином в руке. Мужчина с сокрушенным видом качал головой и почесывал затылок, а мальчик плакал от жалости к животному. Вот он присел к голове лошади и стал гладить по челке. Лошадь всхрапнула, сделала попытку приподняться, но снова уронила голову на траву. Задняя нога лошади была сломана так, что выступал осколок кости через шкуру. «Не жилец», – подумал злорадно Сиплый. Вариант с лошадью отпадает. Он тихонько задвинул ветки кустов и повернул к своим.

Происшествие с лошадью незнакомцев напомнило Сиплому свою историю. Ему было тогда лет десять. И звали тогда Сиплого совершенно нормальным именем Ерофей. Ерошка рос довольно шустрым малым. Не было огорода, который он бы не посетил. Не было дома, куда он не заглянул в отсутствие хозяев. Когда удавалось найти что-нибудь ценное, то, не стеснясь, забирал себе. Ему было с кого брать пример. Потомственный каторжанин. Что отец, что мать были ссыльными. Встретились, поженились здесь, на Амуре. Впрочем, он их уже не помнил вовсе. Как начал себя осознавать, так и ушел из дома бродяжничать. Будучи бродягой, побывал в разных местах Российской Империи.

Однажды примкнул к цыганам-конокрадам. То ли по злему умыслу, то ли по задуманному, но цыгане указали ему на вороного, что стоял отдельно от остального табуна. Что странно, вороной стоял совершенно спокойно, в то время как весь табун был в лихорадочном движении.

– Ерошка, ну, зауздай его уздой! – сказал громким шепотом цыган по имени Егорка.

Ерофей стал подкрадываться к вороному. Мальчик был вне себя от радости, когда конь дал себя покормить хлебом. Но в следующую секунду табун пришел в движение в обратном направлении и развернул вороного крупом к Ерошке. Конь в подскоке ударил обоими копытами по воздуху, в конце траектории движения попав в лицо мальчика. Очнулся Ерофей в кибитке, от дорожной тряски. Все его лицо было замотано тряпками, дышать было можно только через рот, глаза ничего не видели. В одной из остановок молодая цыганка промыла его лицо от запекшейся крови, и он открыл веки. Слава богу, что глаза целы. Потом его передали старой цыганке с вечно дымящейся трубкой в углу рта. Она какими-то травами-заговорами выходила мальчика.

Но с тех пор в Ерошке произошли непоправимые перемены. Во-первых, лицо его было обезображено до неузнаваемости: нос провалился, как у сифилитика, от лба через правый глаз на щеку переходил полукруглый шрам, отсутствовали два передних зуба. Во-вторых, пропал голос. Некогда звонкий мальчишеский голос изменился – горло выдавало тонкие сипящие звуки, практически шепот. С возрастом голосовые связки огрубели, но голос все равно остался сиплым, оправдывая кличку. А то, что его называли за глаза сифилитиком, его мало волновало. Чем страшнее, тем лучше. В третьих, вследствие травмы появились периодические приступообразные головные боли, приводящие его в неконтролируемое неистовство. С тех пор он ненавидел лошадей. В этом было его злорадство, когда увидел лошадь незнакомцев со сломанной ногой.

Пробыл он в цыганском таборе, после случая с вороным, недолго. Однажды, во время одного из приступов, он набросился с ножом на Егорку.

– Это ты виноват, что я теперь такой урод, – сипел Ерофей, размахивая ножом. – Ты специально послал меня к этому вороному. А сам струсил...

Цыгане молча избивали его плетьюми до полусмерти и выбросили на дорогу.

Появление Сиплого на просеке стало неожиданностью для всех – возник совершенно в другом месте. Федор заулыбался при его появлении, политические встретили настороженно, а Иван – равнодушно. Лишь подумал: «Вот черт уродливый! Ходит как зверь!»

– С гужевым транспортом случился облом, но есть другой вариант, – сказал вожак контрабандистов. – Там мужик один и ребенок. У мужика карабин. Спросим дорогу, за одно карабином разживемся и продуктами, наверняка...

Сиплый жестом подозвал к себе товарищей и начал объяснять, как поступить.

– Поступим так... – просипел контрабандист.

Речь вожака и так-то трудно было понять, а сейчас он понизил голос настолько, что было слышно только своим – политические ничего не разобрали.

Глава 3. Встреча в лесу

Сергею пришлось собрать все своё незрелое мужество, накопленное за годы жизни в тайге, чтобы не заплакать, когда Никодим схватился за карабин.

– Чтобы бедное животное не мучилось, – сказал он. – Надо пристрелить...

– Никодимка, давай вылечим Грозу! – воскликнул мальчик. – Ты же можешь, я видел, как ты ее раньше лечил...

– Так это было дома, сынок. А сейчас мы далеко уехали. На руках не унесем – тяжелая. Оставить ее здесь – звери задерут. Ты иди пока по этой просеке, я догоню. Да, не забудь свой вещмешок. Нам надо засветло добраться до заимки дяди Ивана. До него ближе...

Мужчина сел на землю, положил голову лошади себе на колени, начал шептать ласковые слова, поглаживая за ее челку, дождался пока мальчик скроется из виду за поворотом, затем встал и передернул затвор карабина.

Глухой выстрел застал Сережу за кустами, где он, стараясь не показываться на глаза Никодима, пытался разглядеть Грозу. Но это ему не удалось из-за мешающих обзору деревьев. Мало того, он так увлекся своим наблюдением, что очнулся только когда хрустнула за спиной ветка и чья-то грубая шершавая ладонь зажала рот и нос, не давая дышать. Все попытки вырваться были пресечены сильной рукой и злым шепотом в ухо:

– Цыц, паря! Иди вперед и не пищи! Придушу!

Они вместе, пятясь, стали выбираться на просеку. Сережа заметил еще четверых людей: двое из них сидели на земле со связанными за спинами руками, а двое стояли в ожидании товарища. У каждого было оружие в руках – револьверы. Сережа видел такой у лесничего.

– Федя, ты мальчишку-то отпусти, – сказал один из них сиплым голосом и провалом вместо носа. – Пусть голос подаст... а мы его батяню, значит, здесь обождем. Только из рук не выпускай. Убежит еще.

Шершавая ладонь открыла доступ к воздуху. Сережа часто-часто задышал, но не стал кричать. Бандит встряхнул его за шкирку:

– Кричи!

– А незачем ему кричать – тут я!

Все заозирались в поисках Никодима. Но его никто не видел, кроме Сережи. Крестный отец показал ему условный жест. Мальчик стоял перед бандитом, удерживаемый за ворот его левой рукой. Предстояло провести прием, многократно повторенный с Никодимом.

Ввиду того, что они жили в лесу одни, надо было предусмотреть все возможные варианты жизненных ситуаций. В том числе и захват чужими. Их край – край ссыльнокаторжан. Много лихих людей бродят по тайге. Никодим с его невероятной силой мог постоять за себя, но если дело касалось Сереженьки, то тут он становился бессильным. Поэтому с пяти лет стал воспитывать в нем бойца, укрепляя дух и силу. В это же время они сильно сдружились с тунгусом по имени Онганча, который стал помогать в формировании мужчины из мальчика.

Охотник Онганча не признавал огнестрельного оружия за его шум и грохот, его оружием были лук и стрелы, верный тунгусский нож, да капканы. Ножом и луком он владел в совершенстве, а владение казацкой саблей, нагайкой и стрельбой из карабина было стезей Никодима.

К семи годам Сергей недурно стрелял из карабина. Лук со стрелами, изготовленные Онганчой специально для его рук, он освоил еще раньше. Труднее всего ему давались «буза»¹⁰ – казачье боевое искусство или вид боевого пляса. Во-первых, не было для него напарника, во-вторых, это было очень тяжело физически.

---

¹⁰ «Буза» – самое частое в употреблении название и вместе с бойцовой мелодией и пляской это понятие обозначало как саму драку, так и боевую технику. Впервые о бузе, как об искусстве, упоминается в книге «Ода кулачному бойцу» И. С. Бар-

– Боевые элементы бузы, – говорил Никодим. – Это, сынок, подготовка движений, из которых в бою вырастают, в зависимости от ситуации: удары, защиты и броски. Так что, пляши! Эта традиция готовит казака к сражению, стоя, лежа, сидя и на корточках.

И сам показывал, несмотря на грузное телосложение, уходя вприсядку, качение, прыжки и падения.

– Старики говорили, что раньше ломание бузы было обязательным в подготовке всадников, наряду с джигитовкой. Упавший с коня всадник, используя технику боя вприсядку, может уйти от сабельного удара, выбить из седла противника и завладеть его конем, проскочить под брюхом идущей лошади, подрезая ей паховину. В пешем бою применяется для боя в толкучке и в случае падения на землю.

И вот под звуки бубна Онагчи и под частушки Никодима мальчик почти ежедневно ломал бузу, добиваясь «плына».

*Ходи, хата, ходи, хата,
Ходи, курица, хохлата,
Ходи, сени и порог,
И сметана, и творог.¹¹*

Бузющийся казак сознательно пляшет, нарушая своими движениями ритм пляски и гармонию музыки, поёт припевки под-драку, не в такт и не в лад.

*Ой, топни, нога,
Не жалей сапога,
Тягька новые сошьет
Или эти подошьет.*

Таким образом, он выпадает из общего окружающего ритма мира, разрушая рамки своего привычного восприятия, и начинает видеть всё иначе, как бы со стороны.

*Пойду плясать —
Дома нечего кусать:
Сухари да корки—
На ногах опорки.*

В этой пляске также лучше всего тренируется «плын» – особое бузовское состояние восприятия. На фоне озорного настроения, создаваемого музыкой и песнями, изменив восприятие, казак тренирует самопроизвольно и неожиданно сочетаемые боевые движения.

Уставший Сережа падал без сил под ноги Онганчи и просил остановить Никодимку.

– Не могу больше! Зачем мне это надо? Почему так трудно? Вот другое дело – из лука стрелять или из карабина.

– Э, паря, – говорил тунгус. – Трудности, на самом деле, являются частью твоей цели. Думай только о цели – каким ты станешь сильным и смелым. Помощником Никодиму... и мне...

– Не жалей его! – возмущался Никодим. – Идите лучше из лука постреляйте, раз он боится трудностей в бузе. Сегодня лишаю тебя от стрельбы из карабина за проявленную слабость, Сергей!

кова, датируемой 1750 годом.

¹¹ Казацкие плясовые частушки.

Мальчик с поникшей головой отошёл с тунгусом к соломенным мишеням. Там и продолжили беседу.

– Онганча, скажи как надо преодолевать трудности?

– Вот смотри! Ты сейчас будешь стрелять из моего лука. Представь, что мишень далеко, и ты ее не видишь, потому как утренний туман. Разве ты будешь бороться с туманом? Нет! Ты выберешь другую позицию или подождешь, когда подует ветер и развеется туман. Теперь мишень видна, но дует боковой ветер. Разве ты будешь бороться с ветром? Опять нет! Ты определяешь его направление и делаешь поправку, выпуская стрелу немного под другим углом. Но мой лук тяжелый и тугой, у тебя не хватает сил натянуть тетиву. Разве ты будешь бороться с луком? Нет! Ты будешь каждый день тренироваться, укреплять свои пальцы и мышцы, с каждым разом все сильнее натягивая тетиву.

– Но есть же люди, которые стреляют из легкого лука, и когда нет тумана и ветра.

– Никогда не смотри на других, – улыбнулся Онганча. – У каждого свой лук, свои стрелы, своя мишень и время для выстрела. И твое тоже наступит когда-нибудь.

Тунгус наклонился к Сереже и, понизив голос, спросил:

– Хочешь, открою тебе страшную тайну, мой мальчик?

– Да, хочу! – сказал также шепотом Сережа. – Скажи!

– Туман опускается на землю не для того, чтобы помешать твоему выстрелу, ветер начинает дуть не для того, чтобы увести твою стрелу в сторону, мой лук сделан не для того, чтобы показать твою слабость и Никодим появился в твоей жизни не для того, чтобы создавать трудности. Они существуют сами по себе. И еще запомни: Никодим тебя любит, дороже тебя у него нет никого. Он лишь хочет, чтобы ты умел постоять за себя, когда его не будет рядом.

Сережа чувствовал тяжесть и тепло чужой ладони на плече. После сигнала Никодима он крепко схватил за рукав бандита и, резко закрутившись вокруг своей оси, упал на спину, увлекая за собой не ожидавшего такого поворота чужака. Пока падал, успел выставить прямую ногу вверх, нацеливая на открытое горло бандита. Тот, потеряв равновесие, грузно упал, ударившись об жесткую натренированную пятку мальчика. Произошло это под удивленные и растерянные взгляды чужаков. Выстрелы из карабина прозвучали одновременно с падением Сережи. Двое с оружием, получив ранения, упали на землю, не успев ответить огнем. Никодим тут же вышел из-за импровизированного укрытия в виде сваленных друг на друга деревьев и подобрал револьверы чужаков, поглядывая на Сережу. С ним все было в порядке. Затем, молча погладив по голове сына, повернулся к связанным людям.

– А вы кто такие? – спросил он.

– Здравствуйте, добрый человек! – сказал тот, который был постарше, пытаясь встать. Не получилось. Тогда они с товарищем оперлись друг в друга плечами и, поддерживаясь, встали на ноги. – Не изволите ли развязать нам руки? А то, знаете ли, совсем неудобно разговаривать со связанными руками.

– Вы не ответили на вопрос...

– Разве нет?! Да политкаторжане мы. А эти – уголовные. Контрабандисты золотом. Случайно встретились. Мы пытались помешать захвату ребёнка вашего, так они нас связали. Я так понял, что им нужно было ваше оружие. Меня зовут Алексей Дмитриевич. А напарника моего – Андрей. Я из Санкт-Петербурга родом. А Андрей Евгеньевич – с Урала – Верхотурья, может, слышали? Он закончил Казанский университет. Сюда были сосланы в прошлом году. Вот, дела партии снова позвали в путь.

Никодим подумал немного и развязал ссыльным руки. Андрей сразу бросился осматривать раненых. Со слов Алексея Дмитриевича, тот был доктором.

В это же время очухался третий чужак, начал очумело вертеть головой, нашёл раненых товарищей и схватился за пояс, где у него ранее висел нож – большой тесак. Но он был давно

обезоружен – нож в руках держал мальчишка, и по тому виду, как он его держал, можно было догадаться, что неплохо умеет пользоваться.

Обоим контрабандистам Андрей оказал помощь – у него были кое-какие инструменты в наплечной сумке: почистил раны, перевязал. Раны были пустячные – пули попали навывлет каждому в одно и то же место правого плеча, кости не задеты, крови было мало.

– И что мне прикажете делать с вами?! – спросил Никодим почесывая затылок.

– Да отпустите вы их, – просительно сказал Алексей Дмитриевич, потирая запястья. – Они своё получили. Им надо напрямиком на железную дорогу. А нас, если возможно, приютите на некоторое время. Мы надолго вас не стесним. Можем помочь по хозяйству – мы работы не боимся, вы не думайте...

Никодим повернулся к контрабандистам, ожидавшим своей участи под присмотром мальчишки и, напустив строгости и так басовитому голосу, прорычал:

– Так, ноги в руки, господа лихие, и – по этой просеке до самого конца. Дальше сами разберётесь!

– Оружие верни!

– Сынок, отдай им тесак. Вам этого достаточно будет. Левольверы не отдам! Ступайте! Ну!

Чужаки подобрали свои вещички и двинулись по указанному направлению. А политические помогли Никодиму закопать Грозу. Более того, вызвались тащить на себе седло.

Серёжа нашёл общий язык с Алексеем Дмитриевичем. Каторжанин заинтересовал мальчика познаниями в литературе и математике. Обещал провести несколько уроков, потому как Серёжа знаний практически не имел, только знал буквы из Азбуки с картинками, привезённой как-то с оказией Никодимом.

– Никодим, надо мальчика в гимназию отдавать! – воскликнул Алексей Дмитриевич, запыхавшийся от быстрой ходьбы. – Ему нужно знания получать, стать грамотным.

– А на что ему грамота? В лесу и так проживем.

– Ну, не век же будете мальчика в тайге держать?!

– В следующем году обещали вернуть меня в Благовещенск. Наверное, соглашусь...

До заимки Дементьева добрались затемно. Наскоро поужинав, легли спать с тем, чтобы засветло уехать. Хозяин обещал довезти их на своей лошади с телегой. А обещание Алексея Дмитриевича дать уроки не выходило из головы мальчика. Он долго не мог уснуть, думая о том, как будет складывать буквы в слова, и что, наконец-то, научится читать и не будет просить читать сказки Никодима...

Глава 4. Политкаторжане

Дома их встретили Онганча и Чингиз. Чингиз сопровождал Онганчу на охоту потому, что свой пёс тунгуса повредил заднюю лапу в схватке с росомахой. Охотник, по обыкновению, дымил в свою трубку, а Чингиз от радости носился вокруг прибывших. Тунгус без слов понял, что с Грозой что-то случилось:

– Однако, у моего соседа есть хорошая лошадь на продажу...

Разгрузив поклажу Никодима и политических, напоив коня, а сам попив сладкого травяного чая с мёдом, Дементьев двинулся дальше – ему сегодня надо в город. Чингиз проводил телегу до окраины поляны и, вернувшись к людям, устался на чужих, свесив язык. Чужаки попытались подозвать и задобрить пса куском хлеба, но не таков Чингиз, чтобы поддаваться на такие провокации. Он подбежал к сараю, сделал пару взмахов хвостом, посмотрел на расстроенное лицо хозяина, пристраивавшего осиротевшее седло на колодку под навесом, затем отошёл с Серёже и подсел рядом, прислонившись к нему всем телом. Серёжа, почесывая пса за ухом, прислушался к разговору политических.

– Вот я и говорю, Алексей Дмитриевич, уважаемый, что самая свобода в России – это здесь. Прав был Антон Павлович, у меня тут записано, смотрите: «... право, сколько я видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожа на нашу. Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего... Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России»¹². А вы говорите, надо в столицу ехать.

– С утверждением писателя согласен, – сказал Алексей Дмитриевич, – но с вами – нет, любезный Андрей Евгеньевич. Вы в ваших университетах либеральничать научились, а вот партийную дисциплину позабыли. Мы с вами нужны в Петербурге. И точка.

Затем, заметив, что мальчишка с интересом слушает их разговор, повернулся к нему:

– Сережа, где тут у вас можно искупнуться? Страсть, как хочу обмыть дорожную пыль...

– Ну, если хотите, я провожу вас до ручья. Там бобры запруду сделали. Я туда хожу. Правда, вода холодная...

– Пойдем, Сережка. Андрей Евгеньевич, вы как?

– Я попробую уговорить Никодима на баньку... Не мешало бы нам в баньке пропарить кости. Вы идите пока...

Сережа в сопровождении Алексей Дмитриевича и Чингиза направился на дальний конец поляны. Пес, убежав вперед, вспугнул у кромки поляны рябчика с выводком. Серо-коричневые комки с каштановыми вкраплениями вспорхнули и, пролетев небольшое расстояние, сели на густые еловые ветки. Чингиз озадаченно остановился, посмотрел на людей, но не найдя в них интереса к охоте, убежал вперед трусдой.

Пруд, наполненный чистой водой из родника, блестел зеркальной поверхностью, отражая в себе кроны деревьев с кусочками синего неба. Дальний конец запруды представлял собой нагромождение сваленных стволов, веток и травы – работа природных лесорубов бобров. Алексей Дмитриевич обратил внимание, что в одном месте сделан слив, чтобы не допустить чрезмерного разлива воды на луг. Это уже было делом рук человеческих.

Вода была действительно очень холодной. Но несмотря на это, Алексей Дмитриевич без подготовки нырнул с головой в воду. Взбодрившись таким образом, проплыл несколько саже-

---

¹² Антон Павлович Чехов, русский писатель. В июне 1890 года был проездом в Благовещенске, откуда отправил два письма друзьям и родным.

ней, перевернулся на спину и стал рассматривать облака на небе. Холодная вода для закаленного организма опытного политкаторжанина действовала благотворно. Но он не всегда был такой. Это была его вторая ссылка.

Первое наказание он отбывал в Горно-Зерентуйской каторжной тюрьме.¹³ Она была примечательна тем, что тут отбывали наказание и уголовные, и политические. Среди каторжан молодому Алёше приглянулся китайский революционер. Как он попал из горного Тибета в революционный Петербург – это неизвестно. Сам он разговаривал мало, все больше сидел, поджав ноги и уставившись в одну точку. На работы их выводили на серебрясвинцовый рудник.

Алексей удивлялся, как стойко переносил тибетец в легкой одежде жесточайший холод и поистине каторжный труд. Монотонно махал своим кайлом – только пар валил. В конце концов он обратил внимание на вечно дрожащего от холода Алексея. Дело было вечером в тюремной камере.

– Дыси! – это было первое слово произнесенное тибетцем.

Алексей недоуменно уставился на соседа, сидящего с полузакрытыми глазами.

– Дыси! – показал как руками, как бы сдувая и раздувая шар. – Вдох, задержка, вы-выдох! Вдох, задержка, вы-выдох! Вдох – выдох! Понял? Копи тумо...

– Что такое тумо? – спросил заинтересованно Сергей Дмитриевич.

– Тепло, пламя, энергия... Сладостное тепло покровов бога.

Таньба, так звали тибетца, показал ему, как надо сесть, скрестив ноги, и стал объяснять своим неповторимым акцентом.

– Руки положи на колени, – сказал он. – Вот эти пальцы подогни, а остальные вытяни. Теперь дыши животом. Вдох – живот радуется, выдох – сдувается... Подыши так некоторое время. Представь, что ты вместе с выдохом извергаешь из себя гнев и гордость, ненависть и алчность, лень и глупость. Дыши!

Таньба положил свою теплую ладонь на живот Алексея и стал помогать акту движения.

– Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...

То ли от тепла руки Таньбы, то ли от дыхания, но напряжение в теле каторжанина стало отпускать и в животе стало разливаться тепло.

– А теперь представь, – сказал тибетец. – Что с каждым вдохом ты пьешь дух Будды, дух твоего Бога, мудрость и все, что существует в мире благородного и прекрасного. Сосредоточься на этом, отрешись от всего, что тебя окружает, погрузись в покой. Теперь вообрази в своем теле, в области пупка, золотой лотос. А в центре лотоса – сияющее солнце. И от этого солнца по всему телу разливается тепло...

С первого раза, конечно, у Алексея почти ничего не получилось. Но помощь тибетца, его теплые, почти горячие, руки помогли снять скованность в теле каторжанина, и он впервые за многие зимние месяцы смог уснуть умиротворенно – не думая о холоде.

В последующие дни обучение правильному дыханию продолжились. Если в первый день Таньба обучил его, как расслаблять тело и отрешаться от происходящего, то сегодня они сосредоточились на собственно тумо.

Тумо можно было вызвать с помощью задержки дыхания и особыми движениями живота. Медленные глубокие вдыхания действуют наподобие кузнечных мехов, раздувая тлеющий огонь на углях. Этот комочек угля находится в центре лотоса. Таньба смешно сравнил его с овечьим пометом, мол, такой же величины. Каждый осторожный глубокий вдох дает ощущение струи воздуха, проникающий до пупка и раздувающий огонь. После вдоха надо задерживать дыхание, причем длительность задержки дыхания с каждым разом возрастает. При этом

---

¹³ Горный Зерентуй – село (ранее посёлок городского типа) в Нерчинско-Заводском районе Забайкальского края, Россия. Первые каторжане появились в Зерентуе во 2-й половине XVIII века. После подавления Революции 1905—1907 гг. в Зерентуйской каторжной тюрьме находилось свыше 800 заключённых.

мысль сосредоточенно следит за рождением пламени. Внимание должно полностью занимать этот процесс, исключив все другие мысли.

Первоначально Алексею было сложно сосредоточиться на пламени: мешали другие мысли, холод, голод и громкие разговоры сокамерников. Но постепенно, с помощью тибетца, ему удалось сосредоточиться. Для этого ему понадобилось не меньше часа. Чтобы было легче сосредоточиться, тибетец подсказал ему вообразить в своем теле сосуд, который поднимается вертикально вверх от центра пупка. Сначала сосуд толщиной с волос. Он наполнен поднимающимся по нему пламенем. При дыхании через пламя проходит воздушная струя, еще больше раздувая огонь. Затем сосуд расширяется в толщину мизинца, потом становится как объем руки. В конце концов, сосуд вмещает все тело, становится размером в печную трубу. Тело перестает ощущаться. Непомерно раздувшийся сосуд вмещает теперь всю вселенную. Алексей чувствует, будто сам превращается развеваемое ветром пламя посреди пылающих волн огненного моря. Ему кажется, что он готов согреть собою всех находящихся рядом людей. Но Таньба приказывает ему остановиться и повторить видения в обратном порядке. Такие упражнения они теперь проделывают вдвоём дважды в день.

Удивительный был человек Таньба. Алексей многому успел научиться у него, прежде чем тот исчез. Однажды, проснувшись утром в камере, он обнаружил, что место тибетца пусто. Вначале Алексей подумал, что его вызвало тюремное начальство. Но Таньба не появился даже тогда, когда их повели на рудник. Только в этот момент охрана обнаружила отсутствие одного каторжника. Многодневные поиски ни к чему не привели. Только Алексей догадался, что Таньба ушёл домой, оставив для него небольшую фигурку Будды. Значит он получил знак. Знак самого Будды. Как-то Алексей спросил Таньбу:

– Что ты делаешь среди нас? Почему ты не убежишь, владея такими способностями?

– Это мой путь, Алёша. Я должен его пройти. Когда придет время – получу знак, я уйду...

В память об учителе Алексей Дмитриевич носит фигурку Будды всегда с собой. Кстати, имя Таньба в переводе с тибетского означает буддизм.

Эту историю Алексей Дмитриевич рассказал Сереже, когда вылез на берег и тот спросил его:

– Вы совсем, совсем не мерзнете, дядя Лёша? Я могу только один раз нырнуть и тут же вылезаю на берег. А вы так долго лежали в воде, я даже подумал, что уснули...

– Никодимка мне запрещает залезать в воду, – добавил он. – Вода здесь даже в самый жаркий день не нагревается.

– А это все потому, что родники бьют из-под земли, Сережа. – сказал, вытираясь, Алексей Дмитриевич. – А что касается твоего вопроса, то я и тебя могу научить не мерзнуть и никогда не болеть...

– Вы и вправду научите? – обрадовался мальчик. От природы будучи любопытным, его привлекало все новое и неизведанное.

– Правда! – улыбнулся каторжанин. – Вот, слушай...

* * *

Было решено, что политические поживут в лесной заимке Никодима до осени. С холодами попробуют уйти по железной дороге. Для этой цели нужны были хорошие дорожные бумаги. Об этом обещал похлопотать Иван Дементьев. Он питал пиетет к гостям Никодима, часто приезжал и засиживался за долгими разговорами. Даже предложил переехать к нему, но учитывая тот факт, что Сергей Дмитриевич взялся за обучение маленького Серёжи грамоте, предложение было отвергнуто.

Благодаря природной смекалке учеба давалась мальчику легко. Через месяц он мог читать по слогам любой текст из газет. Но этого было мало. Сергей Дмитриевич составил список учебников и книжек, заставил Никодима поехать в город за покупками.

– Никодим, уважаемый, Серёжа делает грандиозные успехи в учебе! Умоляю, не дайте ребёнку здесь зачахнуть! Пусть учится!

– Дык, а я что? Я ж не против...

– Узнайте, наверняка в Благовещенске имеется гимназия с пансионом. Вы бы могли отдать Сереженьку туда за умеренную плату. Если есть гимназия реальная, то лучше выбрать её.¹⁴ Сейчас наступает век технический.

– Я бы посоветовал выбрать классическую гимназию, – встрял в разговор Алексей Евгеньевич. – Там дают более разностороннее образование. Правда, плата может оказаться непосильной в связи с известным циркуляром.

Властями давно ставился вопрос о повышении платы для того, чтобы сделать гимназии менее доступными для выходцев из бедной среды, которых родители пытались вывести в люди. В связи с этим появился знаменитый «Циркуляр о кухаркиных детях» 1887 года, который предписывал не брать в гимназию детей низшего сословия. Предыстория появления подобного циркуляра началась в городе Новочеркасске. Однажды, рядом с кабинетом директора новочеркасской гимназии, взорвали бомбу. Кроме того, что это был из ряда вон выходящий случай, один из народовольцев, по фамилии Генералов, арестованный по делу о взрыве, был выпускником этой гимназии. Тогда и было разработано несколько мер с целью затруднить для низших слоев доступ в гимназии. Первая мера была «циркуляр о кухаркиных детях», вторая – это закрытие приготовительного класса. Вторая мера была более эффективной, она давала как раз преимущество детям из бедных семей.

Благовещенская мужская гимназия размещалась на пересечении улиц Графской и Большой. Подойдя к большому двухэтажному деревянному зданию, Никодим не сразу решился зайти внутрь. С одной стороны, он понимал, что Сергей Дмитриевич прав – Сереженьке необходимо учиться, с другой стороны – не хотел отпускать мальчишку от себя.

Но устроилось все как нельзя лучше. В самой гимназии пансиона не было, но в канцелярии школы ему посоветовали одинокую женщину Марфу Петровну, бывшую учительницу, которая пускала к себе на проживание. Предпочтение давала сиротам. Оплатив сразу за годовое обучение в гимназии целых двадцать пять рублей, Никодим направился искать пожилую учительницу. Квартира ее оказалась в двух шагах от гимназии.

Марфа Петровна встретила Никодима радушно, напоила чаем с малиновым вареньем. Она оказалась совсем еще не старой, небольшого роста, сухонькой женщиной. Марфа Петровна продолжала учительствовать – в гимназию ее приглашали иногда при нужде, когда кто заболит. Хозяйка держала при себе кухарку, а во всем остальном управлялась сама.

За самоваром договорились, что Серёжа прибудет за несколько дней до начала учебного года в гимназии. Договорившись о цене, Никодим заспешил домой. Ещё надо заехать в лесную управу за денежным довольствием, книжный магазин за учебниками по списку Сергей Дмитриевича и кое-какую мануфактуру закупить для жизни. Опять же нужна одежда для Серёжи – мальчик растёт не по годам, а по часам. Если в лесу сойдёт, то через пару месяцев, по приезду в город, будет народ смешить. Кроме того, надо форменную одежду заказать для будущего гимназиста. Пусть будет не хуже, чем у других.

---

¹⁴ В царской России существовали два типа гимназий: классические и реальные. Классические с гуманитарным уклоном, а реальные – с техническим.

Глава 5. Закон – тайга, медведь – хозяин...

Никодим будто чувствовал, решив возвращаться в заимку другим путём. Лошадь у него была справная, выносливая, низкой монгольской породы. Эту лошадку он купил по рекомендации Онганчи. Лесной охотник знает толк в лошадях монгольской породы. Несмотря на низкорослость, эта гнедая была коренастого сложения, с крупной головой и большими красивыми глазами. Одним из немаловажных качеств лошади были ее сообразительность, умение быстро ориентироваться в пространстве и преданность хозяину.

Как только эта молодая лошадь познакомилась с Никодимом после покупки, сразу стала спокойной и дружелюбной. Вместе с лошастью досталось и высокое монгольское седло на деревянном каркасе. Оно позволяло удобно располагаться на низкой лошади и хорошо контролировать ее бег. Но для этой гнедой и не требовалась особого управления. Она, в зависимости от рельефа местности, сама выбирала путь и аллюр. Удивительно сообразительное животное. Никодиму ничего не оставалось, как предаваться мечтаниям и думам, пока гнедая везла его домой. Целью того, что он изменил маршрут домой, было то, что там недавно прошли чужаки. Поэтому решил проверить, не оставили ли непотушенного огня костра или другого зла. С них станется.

В силу того, что путь пролегал через ту просеку, где недавно произошла встреча с каторжниками, Никодим был невольно осторожен. Тем более в голову лезли разные истории, рассказанные накануне политическими про сахалинских каторжан. Откуда становятся известны новости с такого далека – одному богу известно. Любителем рассказывать такие страшилки был верхотурский доктор – Андрей Евгеньевич.

После вечернего самовара, когда уложили спать Сереженьку, начал он свой рассказ.

– Среди сахалинских каторжан есть свои «иваны»¹⁵, – сказал Андрей Евгеньевич. – То бишь наиболее почитаемые, авторитетные люди. Был среди них такой по фамилии, или кличка такая была, Губарь. Этот человек обладал непререкаемым авторитетом и совершил множество побегов из каторги. И что примечательно, так каждый раз ловили только его, а остальные поделщики или погибали, или пропадали без вести. Было мнение, что он съедал своих товарищей.

– Господи, помилуй и сохрани! – воскликнул Никодим, перекрестившись.

– Доказать его людоедство не удавалось долгое время, в том числе и потому, что лесные звери поедали останки его товарищей. Однажды, во время строительства «онорской» дороги – это дорога на север Сахалина, Губарь пустился опять в бега. На этот раз взял с собой матёрого каторжника Васильева и молодого двадцатилетнего Федотова. Через две недели двое беглецов, Губарь и Васильев, были пойманы. Вот тут-то и выяснилось, что во время одной из стоянок бедный Федотов был убит, разделан на куски и зажарен на костре.

Никодим не выдержал и вышел на улицу подышать свежим воздухом. Такие страсти рассказывает этот доктор... Но любопытство взяло вверх и он снова вернулся в избу, чтобы услышать окончание рассказа. Андрей Евгеньевич продолжил:

– Об этом всем поведал Васильев, дав, таким образом, показания на своего поделщика. Тем не менее они оба получили одинаковое наказание: по сорок восемь ударов кнутом.

– Надеюсь, забили их? – спросил возмущённый Никодим.

– Подобному жестокому и циничному обращению в отношении своего молодого поделщика Федотова были возмущены многие каторжане. И они собрали для тюремного палача пятнадцать рублей, чтобы тот насмерть заporол «ивана». Васильев перенёс порку относительно легко, он был сильный человек. А вот Губарь потерял сознание во время порки, но доктор

---

¹⁵ Так называемые «иваны» – каторжанские «авторитеты», во многом аналогичны нынешним «ворам в законе».

не остановил экзекуцию и «иван» получил отмеренную ему порцию сполна. Через три дня скончался в тюремном лазарете.

– А что стало с другим? – спросил Алексей Дмитриевич. – Ну, с тем, Васильевым!

– С ним произошли удивительные метаморфозы, Алексей Дмитриевич! – сказал доктор. – А не выпить ли нам ещё чайку, Никодим? А то в горле пересохло...

– После такого рассказа можно чего и покрепче выпить, – сказал хозяин.

– Если вы настаиваете, то можно пропустить чарочку! – оживился Андрей Евгеньевич.

– Я тоже не против, – сказал Алексей Дмитриевич.

Никодим не спеша сходил в погреб, принёс завёрнутую в тряпку глиняный бутыль. Разлили и выпили за здравие. Затем повеселевший доктор продолжил повествование:

– Васильев оказался человеком сильным физически, но с психическим изъяном. После экзекуции, которую он, впрочем, перенёс без последствий для физического здоровья, сделался мнительным. В каждом каторжане видел врага, угрожал убить. Видя такое дело, тюремное начальство поместило его в карцер. Там он умудрился выломать доску из стены и приготовился обороняться от караула. В течение двенадцати часов держал оборону в карцере. Караул сумел, в конце концов, его обезоружить и поместить в лазарет. Но там он не подпускал никого, отказывался от еды, мол, его хочет отравить доктор. Через несколько дней сбежал, но через месяц был пойман возле дома каторжанского доктора, где он сидел в засаде, чтобы убить того. Но доктор выказал милосердие и упросил тюремное начальство не сажать душевнобольного в тюрьму, а поместить в больницу. Там он в результате лечения вошёл в самые доверительные отношения с доктором и сделался и его ближайшим другом.

– Воистину, прекрасный пример христианского отношения к ближнему! – воскликнул Никодим, будучи под впечатлением от рассказа.

– По мне, это прекрасный пример человеческого двуличия, – сказал Алексей Дмитриевич. – Втерся в доверие к доктору, изобразив сумасшедшего, и облегчил себе жизнь. Таких надо сразу вешать на первом в фонарном столбе. Чем он лучше Грабаря?!

– Друзья, давайте не будем спорить! – сказал Андрей Евгеньевич. – Никодим, налейте ещё по чарочке и я вам лучше расскажу про урядника.

– Про какого такого урядника? – пробасил с улыбкой Никодим. – Не про моего ли бывшего командира?

– Может и про вашего. – сказал доктор. – Вот слушайте. Выходит, значит, урядник из кабака. Пьяный в дымагу! Спускается с крыльца, отвязывает коня, кое-как вдевает ногу в стремя, кричит: «А теперь помогайте, Святые угодники!» Оттолкнулся, перелетел через седло и... шлеп на другую сторону. Сидит на земле и бурчит: «Да вы что? Ну не все же сразу!»

Дружный хохот разорвал тишину избы, что даже Серёжа проснулся:

– Никодимка! Что случилось?

Никодим шагнул к постели Сергея, подоткнул одеяло и сказал:

– Все хорошо, сынок! Спи, ясный сокол! Мы тихо...

Никодим довольно долго вёл лошадь вдоль насыпи железной дороги, пока не вышел на нужную просеку. Дальше идти было уже привычнее. Хотя его лошадь не испытывала трудностей. Шла напролом, будто знала куда хочется хозяину. Действительно, через некоторое время, вышли на привычную для лесного жителя дорогу-просеку. Никодим всматривался под ноги лошади, но никаких примет того, что здесь проходили люди, не находил. Обычно следы сохраняются в течение нескольких дней. Неужели пошли другим путём?!

Ответ нашёлся через несколько вёрст. Все трое каторжан лежали на одной поляне. Да это и не поляна была вовсе, так, небольшое расширение на просеке. По той картине, в которой были раскиданы тела каторжан, было понятно, что здесь поработал зверь. Никодим слез с лошади и подошел поближе, снимая с плеча карабин. Он обошел поляну, но ничего подозрительного не заметил. Взглянул за осмотр тел.

У всех троих были покусаны конечности – несчастные пытались сопротивляться. У Феди оторвана голова, конечности переломаны, внутренности выедены. У остальных вид был не лучше. Сиплого зверь таскал больше всех, его было невозможно узнать – одежда изодрана, нет ни одного живого места на теле. «Похоже, „хозяин“ поработал», – подумал Никодим.

Чему он был удивлен, так это тому, что третий из беглецов был все еще жив. Из оторванной культи ноги сочилась кровь, которую он пытался остановить, завязав ремнем. Но это, к сожалению, мало помогало. Никодим приблизился к нему. Услышав звуки, пробивающиеся через кровавое месиво на лице, Иван пристально смотрел на него единственным глазом, пытаясь что-то сказать.

– Мед... ведь... – наконец пробился звук, булькнув кровью во рту.

– Ты молчи, молчи, болезный... Нельзя разговаривать!

– Я... всё... конец... – сказал Иван. Он пытался говорить, несмотря на свое тяжелое состояние, увидев перед собой человека, а не зверя.

– Там... – покалеченный тщетно старался показать более или менее здоровой рукой в направлении Феди. – Зо-ло-то...

Затем он прокашлялся, разбрызгивая кровавые сгустки, и почти внятно проговорил:

– Похороны нас... Не оставляй на съедение этому зверю.

Никодим держал его изодранную, искусанную и испачканную кровью руку до тех пор, пока тот не испустил дух. Затем, закрыв единственный глаз усопшего, выпрямился. Окинул взглядом место кровавой баталии. Баталии с единственным победителем. Вот только где он спрячется? То, что хозяин леса где-то рядом, Никодим не сомневался. Просто он насытился, наверняка наблюдает за действиями пришедшего человека с запахом пороха и не будет нападать. Конечно, если не решит, что на его добычу есть еще претендент. Неужели появился на его территории медведь-людоед?! Если это так, то «кровь из носу» надо его известить. Тут только Онганча со своими охотниками может помочь. «Если он не появился сразу, значит ушел далеко, – подумал Никодим. – Зря я не взял с собой Чингиза».

В природе медведи стаями не ходят и даже медведь с медведицей в одной берлоге не живут. И уж тем более медведи не живут семьями, как волки. Хотя медведица может с медвежатами быть, пока они не повзрослеют. А этот бродит один. Откуда он пришел? Никодим зверей почти наперсчет знал на своей территории. Да и Иван Дементьев ни словом не обмолвился о медведе, который нападает на людей. Лишь однажды Онганча, вечером, при свете лампы, рассказывал жуткую историю про медведя-людоеда, который вырезал чуть ли не всю деревню.

Появился в тех краях медведь, прихрамывающий на правую заднюю лапу. Произошло это после того, как охотники, убив в берлоге медведицу, взяли и маленьких медвежат. Но не заметили в глубине берлоги притаившегося пестуна¹⁶, который, уловив момент, выскочил пулей и скрылся в чаще леса. Один из охотников выстрелил ему вслед, но лишь только ранил. Пуля, попав пестуну в пятку, это определили по кровавому следу, сделала того калекой. Впрочем, это не мешало, повзрослев, с успехом охотиться на двуногих зверей и домашнюю живность. Говорят, что медведь даже через десять лет помнит своего обидчика. Вот и этот повадился нападать на людей только той деревни. Причем засады свои устраивал непосредственно рядом с домами. Увидит, кто вышел вечерком до ветру, или еще зачем, хватать того и тащить в тайгу. И так каждый раз, то человека утащит, то теленка, то собаку... Никакой защиты не было от этого людоеда. Тогда сельчане решили совсем уйти от этих мест. А медведя хромого так и не взяли.

«Может этот калека-людоед объявился в наших краях?!» – подумал Никодим, взглядываясь на примятую траву на поляне. Но здесь нужен хороший следопыт, чтобы прочесть следы.

---

¹⁶ Пестун – под этим названием понимается почти взрослый, от прошлого помета, медведь-самец, оставляемый медведицей при себе в качестве няньки для новорожденных медвежат.

Помолившись, Никодим взял притороченную к седлу лопату и, выбрав место, начал копать могилу. Но вспомнил, что Иван перед смертью говорил про какое-то золото. Воткнув лопату в землю, снова прошелся вокруг трупов, но ничего напоминающего мешочек или емкость с золотом не нашел. Были разорванные два вещмешка. Людей трое, значит должен быть еще мешок. Где же он? Никодим расширил зону поиска, стал заглядывать под кусты, за деревья растущие вокруг поляны. Наконец, обнаружил. Оказалось, что мешок повис за ляжку на самой нижней ветке одного из деревьев. Толстый, коротко обломанный сук удержал тяжелый вес мешка. Видимо, или Федя в пылу борьбы, или сам медведь откинул его в эту сторону.

Увесистый мешок он отнес к лошади и привязал к седлу, потом посмотрит, а сейчас нужно завершить богоугодное дело – предать земле тела несчастных.

Глава 6. Охота на людоеда

В лесу быстро темнеет. Тем более, что дни стали короче. На уходящей вдаль поляне, что у лесной избушки, над вершинами темной тайги еще багрился свет уходящего дня. Высокие деревья вдоль поляны слегка покачивались от легкого ветерка, с каждым мгновением все больше и больше теряя свои очертания. У тихо потрескивающего костерка сидели на импровизированных скамейках из бревен четверо мужчин и мальчик. Днем стояла невыносимая жара, но к вечеру отпустило и жители таежной избушки решили провести вечер на улице у костра. Дым и жар костерка помогал спастись от комаров и гнуса. Неторопливая беседа продолжилась.

– Чой-то Ивана Дементьева не видать. – сказал Никодим. – Обещался к вечеру прибыть. Дела что ли задержали?! Ну что скажешь, Онганча, посчет медведя?

Мужчины собрались у Никодима с целью добыть медведя-людоеда. Сегодня в помощь должен прийти Иван, а к утру – соплеменники Онганчи с собаками. Тунгус о бродящем в тайге медведе слышал. Их шаман выяснил у тунгусских лесных духов, что они смогут разыскать и умертвить грозного зверя. Тем более, что Онганча уже имеет опыт охоты. На его личном счету два медведя. Правда, они добывались зимой, в берлоге. Но ожидаемые назавтра тунгусы давние медвежатники. Они, в отличие от Онганчи, не чурятся огнестрельного оружия.

– У Большого Камня потерял след. Там медведь порвал лосенка. Судя по следам, крупный, однако, зверь. А может это не тот?!

– Там еще был след крупного сохатого, – продолжил тунгус. – По его следам пошел медведь. Обычные медведи в период гона опасаются нападать на крупных лосей, шибко опасно. А этот пошел... Дурной медведь, однако... Следы ведут на твой участок, Никодим. Надо здесь искать его, однако...

Посидели недолго, обсудили таёжные дела и Онганча засобирился уходить.

– К своим надо, однако...

Никодим уговаривал задержаться до утра, но тунгус отверг предложение. Убрал свои вещи в холщовый мешок и исчез в тайге. Оставшиеся недолго сидели у костра, пошли отсыпаться перед охотой.

Предрассветную тишину расколол выстрел ружья, многократно приумноженный правой просекой как горным тоннелем в беспросветной толще леса. Выстрел был далекий. Вслед за ним раздался чудовищный рёв раненого зверя.

Через некоторое время появились тунгусы. Онганча со своими тунгусами выследил таки зверя, но взять не удалось. Получив ранение, людоед ушёл вниз по ручью, оставляя кровавые следы. Собаки почувствовали зверя и от нетерпения повизгивали. К общему настроению собак присоединился и Чингиз.

Охотники вернулись к Никодиму за помощью.

– Большой зверь, однако, – сказал один из тунгусов. – Я стрелял прямо в сердце. Видел, как пуля попала в него. Он лишь проревел и умчался. Мы прошли несколько вёрст по следу, потом потеряли. Надо взять Чингиза, однако. Только он сможет по крови идти. Наши собаки верховые.¹⁷

Желание участвовать в добыче такого грозного зверя высказали желание все, включая Серёжу. Взять ребёнка на охоту было бы верхом легкомыслия, но весть тунгуса о том, что

---

¹⁷ Фарберы – собирательное название собак различных пород, имеющих навыки работы по кровавому следу и используемых на охоте для поиска подранка. Что касается лаек, то они в основном пользуются верхним чутьем и никогда не идут по следу, если специально для этого не обучены.

прошлой ночью медведь напал на старика, забравшись к нему в дом, заставило переменить решение. Политические тоже не хотели оставаться одни в доме.

Сборы были скорыми. К тому времени прибыл и Иван Дементьев. Всем раздали оружие. Лишь Онганча оставался неизменно при своём боевом луке. По дороге на место, где был утерян след медведя-людоеда, тунгусы рассказали про нападение на деревню.

По оставленной возле дома лежке медведя было потом выяснено, что он выжидал почти до утра. Затем, увидев утреннее шевеление в доме, медведь забрался в дом через окно и унёс одиноко живущего старика. Почему-то он не стал его сразу убивать. Может, это был вызов охотникам?

На истошные человеческие крики из домов выскочили охотники и один из них выстрелил сходу. Раненый зверь бросил старика и скрылся вдоль русла ручья. Охотники бросились следом, преследовали несколько вёрст по кровавому следу. Но потом кровотечение, видимо, прекратилось и следы потерялись. Даже Онганча, опытный следопыт, не смог определить, в каком направлении ушёл зверь. Предположили, что пошёл прямо по ручью. Хитрый и сильный зверюга. По одному из оставленных на мокром берегу отпечатков лапы определили, что это тот медведь, будучи пестуном, поврежденный пулей у берлоги матери.

Охотники взяв собак на поводки подошли к кровавому следу.

Чингиз, почуяв запах звериной крови, залился злобным лаем, к нему присоединились другие собаки. В ответ вдалеке, на распадке, услышали злобный рык. Пустили собак и сами заспешили за ними. Впереди шёл Онаганча и ещё два тунгуса – один с берданкой, второй с карабином. За ними, в десяти шагах, Никодим с Серёжей, дальше шли политические, прикрывали отряд два тунгуса с ружьями. Двигался отряд, строго ориентируясь на лай собак. В какое-то время рык медведя прекратился, но собаки продолжали заливаться лаем.

Онганча поднял правую руку вверх, призывая остановиться. Похоже, что хитрый и опасный зверь устроил засаду, раз перестал рычать. Затаился в ожидании собак и людей. Надо идти, соблюдая максимальную осторожность.

Начала портиться погода: подул сильный ветер, разгоняя утренний туман, стал накрапывать дождик. Через некоторое время к людям вернулись собаки, виновато поскуливая. Упустили опять зверя. Но Чингиз до сих пор не возвращался. Тогда Онганча сказал, чтобы остались лагерем в этом месте, а они с двумя охотниками пойдут дальше.

– Будьте осторожны, однако. Зверь может и сюда прийти.

А зверь в это время, пройдя сквозь непролазный ельник, зашёл в чапыгу¹⁸ и лёг заливать рану. Рана была не смертельной и потихоньку боль стала отпускать. Медведь слышал лай собак, но не обращал внимания. Пошёл дождь, который смывает следы. И ветер дует с их стороны. Медведь-людоед чуял противный синий запах, но инстинкты говорили, что нельзя пока двигаться, надо затаиться. Он подобрался для атаки и вовремя: прямо на него выскочила собака, тихо, без лая, лишь рыкнула, почуяв вблизи зверя. Но было уже поздно. В стремительном прыжке медведь подмял под себя Чингиза. От невыносимой боли пёс громко заскулил, пытался укунить, поворачивая свободную голову в разные стороны, медведь не давал ему и пошевелиться – все старания были тщетны. Была надежда только на людей. Тогда Чингиз начал лаять, но этот лай был похож больше на громкий визгливый скулёж. Потому что с каждым звуком, издаваемым собакой, медведь все больше и больше придавливал ее своим огромным весом.

Вдруг шею исполинского медведя пронзила острая боль, которая заставила его встать и подскочить, выпуская из под себя бедное животное. Тому лишь хватило сил отползти, но к тому времени медведь, сделав очередной огромный прыжок, исчез в кустарнике. Вслед раздались лишь запоздалые выстрелы. Это были подоспевшие тунгусы.

---

¹⁸ Чапыга – это частый кустарник, частая, молодая поросль леса.

Первым за Чингизом пробрался через ельник Онганча. Все произошло за считанные секунды. Расстояние было около пятидесяти метров. Как только увидел прыжок медведя на собаку, поднял лук, прицелился и выпустил тяжелую зверовую стрелу. Стрела попала медведю в шею и, пробив насквозь, осталась торчать. Но этого хватило, чтобы зверь отпустил Чингиза. Только тот не стал ждать второго бесшумного выстрела. Инстинкт самосохранения подсказал медведю исчезнуть с этого места. Он скачками ушёл вниз по распадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.